С. А. ПЛЕТНЕВА

ХАЗАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научно-популярная серия

С. А. ПЛЕТНЕВА

ХАЗАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Книга повествует об одной из полукочевых империй средневековья — Хазарском каганате. Образовавшись в первой половине VII в., к VIII в. она заняла необозримые степные просторы Подонья, Предкавказья, Приазовья. Объединенные хазарами народы сумели создать единую яркую и самобытную культуру. Автор рассказывает о различных сторонах жизни Хазарии: о ее длительных войнах с арабами, дипломатических поединках с Византией, строительстве городов, вторжении в конце IX в. в ослабленную междоусобицами страну кочевых орд печенегов и, наконец, о победоносном походе князя Святослава, который привел каганат к окончательной гибели.

С. А. Плетнева — археолог, доктор исторических наук, заведующая сектором славяно-русской археологии Института археологии АН СССР, автор нескольких монографий по средневековой истории и культуре южных соседей Руси — степных кочевников («От кочевий к городам». М., 1967; «Древности Черных Клобуков». М., 1972; «Половецкие каменные изваяния». М., 1974) и ряда научных статей.

Ответственный редактор

академик Б. А. РЫБАКОВ

П $\frac{10602-054}{054(02)-76}$ 8—76НП

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Хазарского каганата — одна из узловых тем средневековой истории Восточной Европы. Занимавшая огромную территорию, на которой жили различные народы, находившиеся на различном экономическом и культурном уровне, Хазария просуществовала около 300 лет — со второй половины VII в. до середины X в. Она представляла собой первое феодальное государственное образование в Восточной Европе.

Как любая другая разноязычная и большая держава, каганат имел длинную предысторию. Входившие в него племена и племенные союзы упоминаются на страницах древних хроник с середины IV в. н. э. Это были многочисленные кочевые и полукочевые народы — остатки прошедших через южнорусские степи гуннов.

Историей этих народов, самих хазар и Хазарского каганата в России стали заниматься со второй половины XVIII в., а в 30-х годах XIX в. вышло из печати несколько превосходных статей молодого востоковеда В. В. Григорьева, долгое время остававшихся наиболее полными обзорами политической истории хазар, их общественных отношений и государственного устройства.

Интерес к хазарам в русской и западноевропейской историографии не затух и в последующие годы, однако, как правило, о них не писали специальных исследований (лишь время от времени печатались статьи по отдельным вопросам хазарской истории и культуры), хотя достаточно часто упоминали в комментариях к тем или иным вновь открытым источникам, либо в трудах по истории других народов Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Только в 1954 г. в Англии вышла в свет фундаментальная работа Д. М. Данлопа «История иудейских хазар», которая подвела итоги более чем столетнего периода изучения материалов о хазарах [1].

С середины 20-х годов XX в. стал заниматься археологией, а затем и историей хазар профессор М. И. Артамонов. В 1934 г. он начал раскопки на Левобережном Цимлянском городище, еще раньше отождествленном им с одним из известных хазарских городов — Саркелом. В 1936 г. М. И. Артамонов опубликовал небольшую книжку, названную им «Очерки по древнейшей истории хазар». Работы на Нижнем Дону экспедиция М. И. Артамонова продолжила в 1949—1951 гг. Город и некрополь рядом с ним были раскопаны почти полностью. Открытия в Саркеле дали огромный материал. В 1962 г. вышел капитальный труд М. И. Артамонова «История хазар».

Книга эта посвящена не только истории Хазарского каганата, но истории всей Юго-Восточной Европы на протяжении длительного, насыщенного бурными событиями периода. На ее страницах картину жизни воюющих между собой племенных кочевнических союзов на территории Восточной Европы сменяют картины войн их с Византией, Ираном, Арабским халифатом. Ясными и логически обоснованными становятся причины образования каганата, его расцвета, упадка и гибели.

Как и всякая большая работа, поднимающая и разрешающая важнейшие проблемы исторической науки, книга, естественно, не лишена некоторых гипотез, не подкрепленных достаточным количеством источников. Время и дальнейшие исследования покажут, в чем был прав автор и где он ошибался. Сейчас же мы с полным основанием можем считать этот труд энциклопедией по истории народов Юго-Восточной Европы I тыс. н. э.

Книга М. И. Артамонова не устарела и поныне, и потому нам было чрезвычайно затруднительно взять на себя смелость написать новую работу о хазарах, но за последние десятилетия сделаны интереснейшие открытия, раскопаны новые памятники, а это позволило по-новому взглянуть на некоторые проблемы истории хазар.

Глава 1

ХАЗАРЫ О СЕБЕ

В середине X в. придворный кордовского халифа Абдаррахмана III еврей Хасдай Ибн-Шафрут, заинтересованный дошедшими до него слухами о реальном существовании где-то в далеких восточных степях иудейского государства, отправил царю этого государства обстоятельное письмо. В нем после пышных пожеланий благоденствия царю хазар следовало очень толковое описание страны «ал-Андалус», в которой проживал Хасдай, и рассказывалось о путях, какими автор письма пытался связаться с Хазарией, заканчивалось оно более чем тремя десятками вопросов, на которые Хасдай довольно настойчиво просил царя дать ему ответы.

Хасдай сообщает в письме, что впервые о «царстве иудеев» он услышал от хорасанских купцов, но не поверил им, пока не получил подтверждение со стороны «посланцев из Кустантинии» (Византии). Те рассказывали, что между Хазарией и Византией 15 дней пути, что «сухим путем между ними находится много народов», что имя царя, царствующего теперь над этими народами, Иосиф. «Корабли приходят к нам,— говорили купцы,— из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары», «они с нами в дружбе и у нас почитаются», «между нами и ими постоянный обмен посольствами и дарами», они «обладают военной силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают на войну по временам» [1].

Как видим, сведения византийцев отличаются абсолютной конкретностью и звучат вовсе не мифически. Это понял и Хасдай, потому первым его побуждением было отправить письмо через близко связанное с хазарами государство — Византию. Однако посланец Хасдая Исаак бен-Натан, явившийся ко двору византийского императора с дарами и просьбой передать письмо, вернулся в Кордо-

ву ни с чем. Император не пожелал помочь подданному кордовского халифа, сославшись на чрезвычайные трудности и опасности, которые якобы подстерегали путешественников по дороге в Хазарию как на море, так и на суше. Очевидно, в христианской Византии крайне враждебно наблюдали за ажиотажем, возникшим в еврейской среде в связи с появлением иудейского царства, и ни в коем случае не хотели способствовать какому бы то ни было сближению европейских евреев с Хазарским каганатом.

Настойчивый Хасдай решил наладить связи с Хазарией через Переднюю Азию, наметив маршрут из Иерусалима в Месопотамию, затем в Армению, Албанию (Азербайджан) и оттуда — к хазарам. В то время, когда шла подготовка к новому путешествию, в Кордову прибыли послы из Германии и с ними двое еврейских ученых. Эти последние взялись переправить письмо Хасдая в Хазарию через Венгрию, Русь, Болгарию. Судя по тому, что хазарский каган написал ответ Хасдаю, письмо было доставлено адресату, причем интересно, что в этом ответе жители Германии названы «немцами», т. е. так, как именовали их славяне — русские. Ясно, что сведения о Германии и ее жителях хазары получали через Русь.

Вопросы в письме кордовского сановника группировались следующим образом: происхождение народа, причины и обстоятельства принятия иудаизма, политический строй и экономика страны, размеры ее и количество войск, соседи Хазарии.

Даже с учетом того, что каган Иосиф ответил далеко не на все вопросы, письмо чрезвычайно интересно, поскольку это единственный документ, в котором сами хазары, хоть и очень коротко и фрагментарно, рассказывают о себе, о своем государстве, о некоторых эпизодах своей истории, своих обычаях и законах.

До нас дошло два варианта ответа Иосифа — так называемые краткая и пространная редакции письма [2]. В основе своей обе редакции, как это убедительно доказал русский ученый П. К. Коковцев, восходят к одному первоначальному тексту. Они воспроизводят этот текст с бо́льшими или меньшими изменениями и добавлениями. П. К. Коковцев полагает, что текст пространной редакции хазарского письма лучше сохранил основное ядро документа. Краткую редакцию опубликовал еще в XVIII в.

Исаак Акриш в Константинополе. Копию пространной редакции, обнаруженную в собрании рукописей А. С. Фирковича в Крыму в 1874 г., впервые издал востоковед А. Я. Гаркави. В 1932 г. обе редакции письма Иосифа, письмо Хасдая и другие сопутствующие этой переписке документы, были собраны П. К. Коковцевым и вышли в свет на древнееврейском языке с русскими переводами и обширными комментариями.

Письмо начинается с обязательных вежливых приветствий, перечня вопросов, заданных Хасдаем, и многословных любезных обещаний ответить на них.

Каган открывает повествование этническим определением своего народа. Он заявляет, что народ его происходит из рода Тогармы, сына Иафета (в древнееврейской литературе Тогармой (Тогаром) именовали все тюркские народы). У Тогармы, согласно сведениям Иосифа, было 10 сыновей: Агийор (Авийор, или Уюр), Тир-с (Турис), Авар (Аваз), Угин (Угуз), Биз-л, Т-р-на, Хазар, Знур (Янур), Б-л-г-д (Б-л-г-р), Савир [3]. Иосиф гордо называет себя в первой строке письма «царем Тогармским», подчеркивая этим могущество своей власти, простирающейся не только на хазар, но и на все остальные тюркские народы.

После перечисления имен сыновей Тогармы следует раздел, посвященный первым шагам хазарской истории. Сначала, пишет Иосиф, предки хазар были малочисленны. Затем, говорится в краткой редакции, «они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью божьей прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили перейти через большую реку по имени «Руна». До настоящего дня они расположены на реке «Руна» и поблизости от «Куштантинии», а хазары заняли их страну» [4]. В пространной редакции сведения эти конкретизируются. Во-первых, подчеркнут тот факт, что хазары не только прогнали своих врагов, но некоторых из них заставили платить дань. Во-вторых, указано, кого они изгнали — в-н-н-т-р [5]. (Ряд ученых вполне логично полагает, что это неточно переданное в древнееврейской транскрипции имя болгарского племени оногуров (утигуров), кочевавших в VII в. в Восточном Приазовье, кроме того, река, до которой преследовали болгар хазары, называется не «Руной», а «Дуной», т. е. Дунаем, который дейст-

вительно в 70-х годах VII в. форсировала болгарская орда, предводительствуемая ханом Аспарухом.)

В следующей части письма Иосиф подробно и в высшей степени «богобоязненно» рассказывает историю принятия иудаизма хазарами. Произошло это при Булане. Булан, склонившись к иудаизму, не решился сам обратиться к своему народу с требованием перехода к новой и чуждой религии. Удалив из страны «гадателей и идолопоклонников», он начал действовать через «главного князя», который почему-то (Иосиф не объясняет причин) имел большее влияние на подданных и смог убедить их принять новую веру.

Очевидно, для подкрепления ее авторитета среди населения каган предпринял поход в страну «Руд-лан» и страну «Ардил». В пространной редакции эти страны имеют более определенное название: «Д-ралан» и «Ар-д-вил», т. е. Дарьяльское ущелье и город Ардебиль — центр кавказской Албании. (Одним из самых сокрушающих походов хазар в Албанию, сопровождавшихся разгромом Ардебиля, был поход, датирующийся 730—731 гг. и известный по ряду других источников.)

Продолжая повествование, Иосиф перечисляет всех хазарских каганов, начиная, естественно, с «праведного» Булана и кончая им самим. Их всего было 13: Булан, после Булана — «сын его сыновей» — Обадия, далее Езекия, Манассия, затем брат Обадии — Ханукка, сын Ханукки — Исаак и потом — Завулон, Манассия, Нисси, Манахем, Вениамин, Аарон и Иосиф. Иосиф подчеркивает, что власть всегда передавалась у них в роду от отца к сыну: «Чужой не может сидеть на престоле моих предков, но только сын садится на престол своего отца» [6].

Дальнейшие сведения Иосифа об общественных отношениях и экономике страны представляют для нас большую ценность. Он пишет, что каждый род в его государстве имеет наследственное владение. В пределах владений роды ведут свое полуземледельческое-полукочевое хозяйство. Сам каган тоже имеет домен, отличающийся весьма большими размерами. Каждый год в апреле («с месяца Нисана») царь с огромной свитой и рабами отправляется в длительную кочевку по своему владению. Осенью он возращается в ставку, расположенную в Итиле.

Поскольку дождей в Хазарии выпадает мало, поля орошаются водой из рек, земли же страны тучны и плодородны — почти в каждом владении есть свои сады и виноградники. В многочисленных реках водится разнообразная рыба, которую ловят в большом количестве.

Наиболее запутанными всегда кажутся в письме Иосифа сведения о размерах страны, о ее местоположении, городах и соседях. Поэтому рассмотрим в данном случае тексты обеих редакций.

Вот что сообщает о местоположении Хазарии и соседящих с ней народах краткая редакция:

1. Страна расположена подле реки, примыкающей к Гурганскому (Каспийскому) морю, на восток она раскинулась «на протяжении» четырех месяцев пути.

2. Подле этой реки живут девять народов, место расселения которых не поддается точному определению.

3. Они живут и в селах, и в городах, и в укрепленных стенами городах. «Все они платят мне дань».

4. Оттуда граница поворачивает и доходит до Гургана. «Все живущие на берегу этого моря на протяжении месяца платят мне дань» [7].

5. С южной стороны живут 15 народов до Баб-ал-Абваба. Они живут в горах до моря Кустантинии (Черного) на протяжении двух месяцев пути. «Все платят мне дань».

6. С западной стороны живут 13 народов, располагающихся по берегу моря Кустантинии.

7. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. Народы живут здесь на открытой местности, переходят по всей степи, доходя до границы Хин-диим (Венгрии?). Страна простирается на четыре месяца пути. «Они (народы.— *С. П.*) многочисленны и платят мне дань».

В пространной редакции этот отрывок выглядит следующим образом:

1. «Я живу у реки по имени Итиль в конце реки Гургена. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении «месяцев пути». (Здесь имеются, видимо, в виду река Волга и ее левый приток река Белая, считавшиеся в древности Итилем.)

2. У этой реки расположены многочисленные народы: бурт-с, булг-р, с-в-ар, арису, ц-р-мис, в-н-н-тит, с-в-р, с-л-виюн.

3. Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах. «Все они мне служат и платят мне дань».

4. Оттуда граница поворачивает по пути к Хорезму, доходя до Гургана. «Все живущие на берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань».

5. На южной стороне — С-м-н-д-р (Семендер), в конце страны Т-д-лу, пока граница не поворачивает к Воротам, т. е. Баб-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце страны Б-г-да, С-ради, Китуп, Ар-ку, Шауна, С-г-с-р-т, Албус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зунах, расположены на очень высоких горах, все аланы до границы Афкана, все, живущие в стране Каса и все племена Кизл, Т-к-т, Г-бул (все это сильно измененные названия народов, урочищ, ущелий Северного Кавказа) до моря Кустандины на протяжении двух месяцев пути «все платят мне дань».

6. С западной стороны Ш-р-кил (Саркел), С-м-к-р-ц (Тмутаракань-Таматарха), К-р-ц (Керчь), Суграй, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нат, Алубиха, Кут, Манк-т, Бурк, Ал-ма, Г-рузин. (Здесь перечислены крымские города, только Саркел на Дону и Таматарха — на Таманском полуострове.)

7. Оттуда граница поворачивает по направлению к северу, к стране по имени Б-ц-ра, она расположена у реки Ва-г-з. «Они (очевидно, печенеги, обитавшие в X в. на Днепре.— *С. П.*) кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы Х-г-риим (Венгрии?). Все они служат мне и платят мне дань». Страна их простирается на четыре месяца пути» [8].

Итак, восточная граница Хазарии, судя по письму Иосифа, проходила где-то по заволжским степям, южная — вдоль Кавказского хребта, западная — по Крыму. Не очень ясно обозначена северная граница, очевидно, южнорусские степи, по мнению Иосифа, также входили в состав каганата.

Перечисление подвластных кагану городов, народов, племен и хвастливый рефрен о дани, обширность страны — все это выглядит очень спорным, особенно, если мы вспомним, что в X в. Хазария была на закате своего могущества. Данные письма нуждаются в проверке, сопоставлении с другими дошедшими до нас источниками, как письменными, так и археологическими. Сейчас же нам важно знать, как сами хазары, или во всяком случае их

правящая верхушка, рассматривали свое государство, оценивали его политическое положение в Восточной Европе в середине X в.

Интересно, что Иосиф дипломатично не забыл в письме напомнить подданному мусульманского государя Хасдаю о том, что он, Иосиф, является постоянным защитником мусульман: «Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем, чтобы идти на исмаильтян. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [9]. Этой фразой Иосиф подчеркнул, что его царство играет заметную роль и в большой международной политике.

Окончив описание величия своей страны, царь переходит к вопросу о местонахождении ее столицы и завершает деловую часть письма сухим рассказом о размерах своего собственного домена. В обеих редакциях определенно говорится о том, что столица находится на реке Итиль. Она делится на три неравные части: в одной живет царица, «это город, в котором я родился». Размер его 50×50 фарсахов. Другой «город» населяют «иудеи, христиане, исмаильтяне и, помимо этих людей, рабы из всяких народов». Величина его 8×8 фарсахов. Наконец, в третьем «городе» живет сам Иосиф. Размеры его 3×3 фарсаха. Длина фарсаха нередко менялась в восточных странах (от 3 до 9 км), однако известно, что в то время — в X в.— она равнялась 6 км. Поэтому естественно предположить, что в письме указаны не размеры городов, т. е. собственно поселений, а размеры городов и примыкающих, приписанных к ним обширных округ. Это тем более вероятно, что в древнееврейском языке слово «город» может обозначать и «область» — «округу». Размеры домена определены так: «на восток — до моря Гурганского 20 фарсахов; на юг — 30 фарсахов до реки Угру; на запад — 30 фарсахов до реки Бузан, вытекающей из реки Угру; на север — 20 фарсахов до реки Бузан и склона реки Итиля к морю Гурганскому» [10]. Несмотря на ряд точных цифр, мы можем понять из этого отрывка только то, что домен находился на землях, лежащих западнее Каспийского моря, и что размеры его равнялись 50×50 фарсахов (300×300 км).

Таковы сведения, которые счел возможным сообщить Хасдаю хазарский каган. В целом они очень запутанны,

несомненно хвастливы, и хвастливость эта преследует вполне определенные политические цели: Иосифу важно было создать о своем государстве как можно более сильное впечатление. Этим объясняется и торжественное описание величия собственной страны при крайней скудости конкретных данных о ней, и напоминание о заслугах Хазарии перед мусульманским миром (роль щита на пути северных варваров), и, наконец, богобоязненность той части письма, в которой говорится о великой роли иудейства. О реальном положении своей державы Иосиф умолчал, ничего не сказал он и о бюджете государства (об этом очень настойчиво спрашивал кордовский еврей), и о количестве войск. В середине X в. Хазарское государство, со всех сторон окруженное врагами, по существу потеряло свое былое могущество. Каган явно искал союзников среди мусульман и пытался действовать в этом направлении через своего единоверца — одного из влиятельных сановников кордовского халифа.

Письмо было написано на древнееврейском языке, служившем для средневековых евреев тем же, чем латынь для европейцев. Естественно думать, что на вопросы Хасдая отвечал не сам каган и вообще не хазарин, а приближенный из числа образованных евреев, окруживших хазарский трон после принятия каганом иудейства. Вполне вероятно, что он занимал при Иосифе ту же должность, что Хасдай при халифе, а именно — был финансистом и дипломатическим агентом.

Можно предполагать, что каган Иосиф не только прочел письмо перед отправлением, но и продиктовал основные его положения своему придворному. Как бы то ни было, послание это — единственный документ, в котором сквозь чужой язык и даже в какой-то мере сквозь чуждое хазарам мышление просматривается собственно хазарское восприятие своих степей, своих владений, своего политического влияния на окружающие народы.

Все остальные сведения о хазарах разбросаны в разноязычных трудах средневековых историков, географов и политиков тех государств, которые соприкасались с Хазарским каганатом: воевали с ним, заключали военные союзы и брачные договоры, обменивались послами и дарами, наконец, торговали.

Бóльшая часть византийских источников, в которых встречаются упоминания о хазарах, относится к VI в. (это

хроника Иоанна Малалы, истории Прокопия Кесарийского, Агафия, Менандра Византийца и Феофилакта Симокатты). Кроме сочинений этих авторов, довольно много сведений о хазарах IX—X вв. можно почерпнуть в трудах византийского императора и историка Константина Порфирородного.

Разнообразные сообщения о хазарах и их предшественниках на Северном Кавказе попадаются в сочинениях армянских историков Моисея Хоренского, Егише, епископа Себеоса и Моисея Каганкатваци, Гевонда.

Одним из самых богатых сведениями источников по истории хазар является арабская и персидская литература IX—X вв. В исторических сочинениях арабоязычные авторы нередко освещали с той или иной степенью достоверности и более ранние события, относившиеся к периоду арабо-хазарских войн VIII в. Самое раннее по времени и самое насыщенное по содержанию — сочинение Ибн-Хордадбеха «Книга путей и царств». Ценнейший источник для истории многих кочевых народов Средней Азии и Восточной Европы — вполне оригинальное произведение Ибн-Фадлана, написанное в начале X в. По приказу халифа Муктадира Ибн-Фадлан в 922 г. поехал в Волжскую Болгарию и затем составил подробный отчет обо всем, что видел и слышал в дороге.

Содержат некоторые сведения о хазарах и русские летописи. Правда, сведения эти очень незначительны, поскольку русские летописцы писали о хазарах только по устным преданиям и воспоминаниям (ко времени начала летописания на Руси Хазарский каганат уже перестал существовать как самостоятельная политическая единица).

Как видим, трудов, в которых упоминаются хазары, довольно много, однако сведения о хазарах, как правило, отрывочны и нередко крайне туманны.

Рассматривать их можно только в совокупности, так как лишь сопоставление всех данных позволяет в какой-то степени восстановить прошлое этого исчезнувшего народа.

И вот здесь-то для восстановления, казалось бы, навсегда потерянных страниц хазарской истории ученым необходим абсолютно объективный и практически неисчерпаемый источник — археологические материалы, данные которых мы и попытаемся как можно более полно использовать в следующих разделах книги.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Примерно в середине IV в. на народы Восточной Европы обрушилось гуннское нашествие. Аммиан Марцеллин, служивший в восточноримской армии и потому хорошо знавший события, происходившие в то время на восточных окраинах империи, обстоятельно и с некоторым отвращением описывает поразившую всех европейцев внешность гуннов: они коренастые, безбородые, «безобразные, похожие на скопцов», «приросшие к коням». Они настолько сроднились с лошадью, уходу за которой уделяют большое внимание, что «считают позором ходить пешком». Они воюют только на конях, используя в качестве оружия меч, лук со стрелами и аркан. Они постоянно «кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы». «Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Они сокрушают все, что попадается на пути».

В 370 г. гунны заняли прикаспийские и донские степи, победили кочевавших там алан, «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе»[1]. Далее гунны, опустошив Приазовье и Причерноморье, ворвались в Центральную Европу. Только через несколько десятилетий они смогли как-то стабилизироваться и образовать в Паннонии государство. Повелителем гуннов в 445 г. стал Аттила. Он держал в своей власти не только паннонских гуннов, но и оставшиеся в Причерноморье племена, которые были военным резервом для его войск, ходивших тогда уже в Западную Европу.

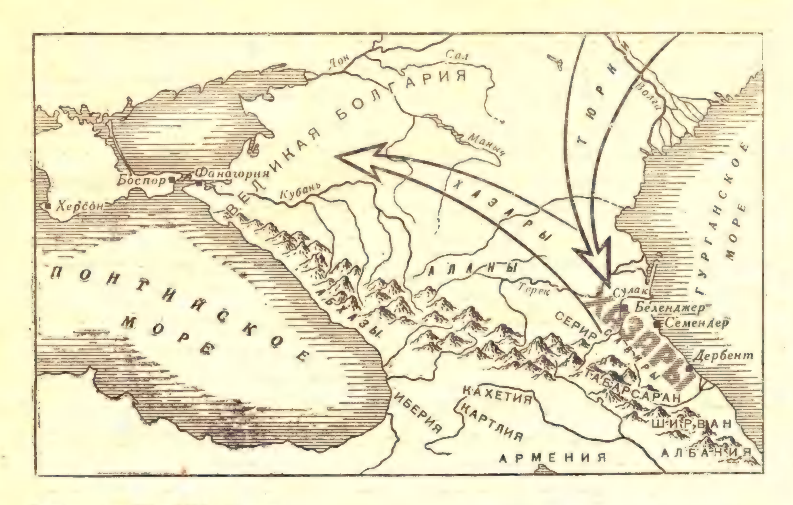
После смерти Аттилы в 454 г. огромная и рыхлая гуннская империя распалась. Племена и народы, кочевавшие в восточноевропейских степях, освободились. История их стала развиваться самостоятельно — их имена

запестрели на страницах византийских и закавказских исторических хроник. Акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, утигуры, кутригуры, болгары, хазары — вот далеко не полный перечень этих постоянно враждующих и воюющих между собой народов. Все они активно участвовали в качестве союзников или наемников в частых византийско-иранских столкновениях и войнах, а при всяком удобном случае грабили и разоряли близкие к их кочевьям пограничные провинции этих двух великих империй.

Часть перечисленных этнических названий, как видим, совпадает с именами сыновей Тогармы, данными в письме Иосифа,— барсилы, савиры, авары, болгары, хазары. Все эти племена, несомненно, были тюркоязычны. Арабские авторы Истахри и Ибн-Хаукаль писали, что язык болгар подобен языку хазар. Тюркологи давно установили, что язык болгар относится к группе западных тюркских языков, следовательно, и хазарский язык являлся западнотюркским.

В одном из отрывков «Истории», написанной сирийским автором Иоанном Эфесским во второй половине VI в. и сохранившейся благодаря позднейшим пересказам Михаила Сирийского и Бар-Габрая, рассказывается, что в царствование византийского императора Маврикия из внутренней Скифии вышли три брата со своими родами. Один из них, Булгар, прошел к границам Римской империи, два других заняли страну алан, называемую Берсилия. «Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик» [2]. Связь хазар со страной Берсилией подтверждается и сведениями византийских хроник Феофана Исповедника и Никифора. Феофан отмечал: «Хазары — великий народ, вышедший из Берсилии» [3].

Находилась Берсилия на современной территории Дагестана: араб ал-Балазури писал, что ал-Баршалия расположена к северу от Дербента. В легенде о трех братьях названы имена двух из них — Булгар и Хазар. Имя третьего можно, видимо, связать с названием страны, занятой хазарами. Барсилы, или басилы, неоднократно упоминаются в «Истории Армении» у Моисея Хоренского и у Моисея Каганкатваци в «Истории агван». Один раз они объединены с хазарами. «Хазары и басилы, соединив-

Хазария в VI—VII вв.

шись, прошли через ворота Чора и подвергли Армению грабежу и разорению» [4].

Колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья. Надо сказать, что этническое имя «хазары» при описаниях событий, связанных с народами, обитавшими в этих степях, встречается на страницах историко-этнографических сочинений восточных и византийских авторов значительно реже, чем этническое имя «савиры». Византийские же писатели первой половины VI в. почти не упоминают хазар. В качестве реальной военной силы они рассматривают только савир.

У византийского историка Прокопия Кесарийского мы находим некоторые данные о жизни и воинских достоинствах савир VI в.: «Савиры являются гуннским племенем, живут около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие — с персидским царем» [5]. Прокопий с изумлением констатирует, что «эти варвары» придумали легкий закрытый таран для осадных работ, ранее неизвестный даже византийским инженерам, и рассказывает об их укреплении, сооруженном на холме и обведенном по периметру холма стеной.

Византийский поэт и ритор Агафий описывает временный лагерь савир, окруженный частоколом.

В данном случае трудно с уверенностью сказать, кто имеется в виду, собственно ли савиры или все тюркские племена, кочевавшие в древней Берсилии и находившиеся в то время под номинальным главенством савиров. По мнению М. И. Артамонова, существовало даже какое-то военно-политическое объединение савир, которое было самым крупным кочевническим союзом восточноевропейских степей в VI в. Воспоминания о нем сохранились вплоть до X в. Арабский историк и географ ал-Масуди в «Золотых лугах» называет хазар тюркскими савирами.

Более или менее связные сообщения о хазарах начинают появляться в письменных источниках, повествующих о событиях не ранее начала VI в. В царствование персидского шаха Кавада I, по данным позднейших арабских сочинений (Балазури, ал-Я'куби), хазары захватили Грузию, Албанию и Армению. Кавад с большим трудом освободил эти земли и построил для защиты от подобных сокрушительных нашествий между Ширваном и Дарьялом стену из сырцовых кирпичей с множеством замков вдоль нее. Я'куби добавляет, что персидский шах завоевал после этого еще Дербент, Табарсаран, Беленджер, т. е. вторгся уже в земли хазар. Однако последние быстро отобрали у него все завоеванные территории.

О войнах, которые вел Кавад с северными варварами, писали и византийцы (Захарий Ритор, Иоанн Малала, Феофан Исповедник). Только они иногда называют их всех гуннами или гуннами-савирами. Феофан Исповедник рассказывает об участии савир в войнах между Ираном и Византией (нередко при этом доверчивые «варвары» слушали ложные доносы и беспощадно уничтожали друг друга). Особого внимания заслуживает отрывок, в котором повествуется о том, что в 527 г. савирами правила вдова князя Болаха Боарикс. Она заключила союз с Византией, но два вождя других гуннских племен решили присоединиться к войску Кавада. Боарикс захватила обоих в плен, одного убила сама, а другого отправила в Константинополь, где его и казнили. Рассказ этот типичен — такими пестрит хроника Феофана: предательство, убийство, ложные наветы сбивали савир с толку и заставляли враждовать друг с другом. Интересно и то, что савирами могла править женщина. Очевидно, как во многих

других кочевнических обществах, женщины пользовались у савир достаточной свободой и самостоятельностью Боарикс, по-видимому, была главой всего гунно-савирского союза и поэтому не потерпела измены племенных вождей.

При сыне Кавада Хосрове Ануширване нападения савир и хазар на пограничные провинции Ирана, в частности на Армению и Албанию, не прекратились. В «Истории агван» Моисей Каганкатваци пишет, что в первую половину царствования Хосрова «страна наша подпала под власть хазар, церковь и писания были преданы огню» [6]. С большим трудом справились персы с нашествием и приступили к сооружению знаменитых Дербентской стены и крепости. После окончания этой грандиозной постройки потеряли значение все прежние оборонительные линии, в том числе и выстроенная несколько десятилетий назад глинобитная стена Кавада. Стены Дербента были сложены из камня и облицованы каменными тесаными блоками. Они одним концом вдавались в море, образуя искусственную гавань, загражденную с моря массивной цепью гор, другим — упирались в крепость, стоящую на горе. Между стенами располагались кварталы города. Таким образом, узкий проход между берегом моря и горами был перегорожен не одной стеной, а укрепленным с двух сторон городом.

Народами, для защиты от набегов которых Сасаниды возвели это мощное сооружение, были, по словам Масуди, хазары, аланы, турки, савиры и иные племена. Постройкой Дербента персы закрепили собственное господство над богатейшей своей провинцией — Албанией, так как прочно защитили ее от разорений. Долгое время Дербент оставался непреодолимой преградой.

Бо́льшую часть кочевников, занявших албанские земли еще до постройки Дербентской крепости, Хосров взял в плен и поселил в районе Кабалы, остальных изгнал назад — в Дагестан. В большинстве источников (византийских и арабских) поселенцы названы савирами. Несмотря на то, что и хазары, и болгары тоже упоминаются, основным народом среди пленников были, очевидно, савиры. В связи с этими событиями их главенствующее положение в союзе в родных степях пошатнулось. Судя по тому, что с конца VI в. они почти не фигурируют в описываемых событиях, а их место в исторических сочи-

нениях занимают хазары, эти последние стали во главе племенного союза, обитавшего на землях нынешнего Дагестана.

Однако на этот раз хазары недолго были самостоятельными. В Восточной Европе, в Предкавказье, появилась новая политическая сила, которую учитывали и с которой считались и Иран, и Византийская империя.

Вторая половина VI в. ознаменовалась созданием на Азиатском континенте великой державы тюрков — каганата, возглавленного одним из самых сильных тюркских родов — Ашина. Злейшим врагом молодой державы было государство эфталитов. Борьба с ним заняла целое десятилетие (555—567), в течение которого каганат окреп экономически и политически, завязал союзнические и торговые отношения с западными и юго-западными соседями, в том числе с Византией и Ираном, и вышел на международную арену.

После победы над эфталитами каганат потребовал у Ирана дань (откуп), которую тот выплачивал за ненападение эфталитам. Хосров отказался, и тогда тюрки двинулись на Иран. Менандр Византиец писал, что они подошли к иранским границам в Джурджане, т. е. в прикаспийском Предкавказье, и наткнулись там на мощные укрепления. Это был, очевидно, только что выстроенный Дербент. Пройти на иранские земли тюрки не смогли и поэтому заключили с Ираном мир. В предкавказских степях они впервые встретились с хазарами. Арабский ученый Табари в своей «Истории пророков и царей» писал, что после победы над эфталитами тюркский каган Синджибу (Истеми) покорил б-н-дж-р (болгар), беленджер и хазар и только после этого осадил Дербент. Отступив от Дербента, тюрки подчинили алан и утигур. Властителем этих вновь приобретенных западных территорий стал сын Истеми — Турксанф. В 576 г. он начал войну с Византией с целью захватить ее закавказские владения. Феофилакт Симокатта рассказывает об успехах тюрков и, заканчивая это сообщение, пишет: «В ту минуту, когда победа уже, по-видимому, улыбалась кагану, среди тюрок разразилась гражданская война» [7].

Мы не будем останавливаться на этом событии в истории Тюркского каганата. Напомним только, что междоусобица длилась до 593 г. 15 лет о тюрках в Европе не было слышно. Только в начале VII в. войска тюрк-

ского кагана вернулись в Предкавказье, а вернее в Черноморско-Каспийское междуречье, и вновь включили в орбиту своих действий всех родственных им тюркоязычных кочевников, в том числе и хазар.

Взоры тюркского кагана снова были устремлены на Иран и его закавказские провинции. В войну с Ираном кагана вовлек византийский император Ираклий, союз с которым он заключил в 626 г. Феофан пишет, что император вступил в союз с «восточными тюрками, которых называют хазарами», а Моисей Каганкатваци, как бы подтверждая эту фразу Феофана, свидетельствует, что главной силой тюркской армии являлись хазары.

Первое же столкновение тюрков-хазар с персами принесло хазарам победу и богатейшую добычу, поэтому каган объявил всеобщую мобилизацию в своей обширной империи и сам встал во главе разноэтничного огромного войска. Вот как записал этот факт Моисей Каганкатваци: «Он уведомил о том всех тех, кто находился под властью его,— племена и народы, жители полей и гор, живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы, чтобы по мановению его все были готовы и вооружены» [8].

Войска кагана обрушились на Дербент, затем вторглись в Албанию и направились в Иберию — к Тбилиси. Моисей описывает воинов как «безобразную, гнусную, широколицую, безресничную толпу», которая «в образе женщин с распущенными волосами» устремилась в Закавказье. Жители Тбилиси смогли выдержать этот натиск. Длительная осада города войсками Ираклия и кагана ничего в тот (627) год не дала — зимой хазары отступили, так как им нечем было кормить огромные табуны, которые они пригнали с собой. Тбилисцы, увидев уходящие полчища тюрков, вынесли на стену города тыкву — «аршин в ширину и аршин в длину, вместо ресниц — несколько обрезанных ветвей, место бороды оставили безобразно голым, на месте носа — ноздри шириной в локоть, редкие волосы на усах... и кричали: вот ваш государь, возвратитесь, поклонитесь ему» [9]. Каган не забыл этой карикатуры. На следующий год он захватил город и, когда к нему привели двух городских правителей, прежде всего приказал их ослепить, мотивируя это тем, что они сделали его портрет слепым, желая оскорбить.

После взятия Тбилиси сам каган ушел из Закавказья на родину, поручив вести дальнейшие военные действия своему сыну. В 630 г. началось покорение Армении, но оно было неожиданно прервано из-за новой вспыхнувшей в каганате междоусобицы. На этот раз междоусобная война кончилась полным крахом тюркской державы. На ее развалинах стали возникать новые государственные образования, складывавшиеся еще в недрах каганата.

Одно из государств создали болгарские племена. Болгары занимали приазовские степи и Таманский полуостров. Их вождь и правитель Кубрат в 635 г., после освобождения из-под власти Тюркского каганата, возглавил самостоятельное объединение — Великую Болгарию. Он заключил союз с Византией, и Ираклий пожаловал ему почетный титул патрикия, подкрепленный к тому же богатыми дарами. Византийцам всегда было важно иметь в Причерноморье сильных союзников, так как без них власть над далекими от Константинополя крымскими провинциями становилась номинальной. Кубрат принадлежал к роду Дуло (Дулу), который в Тюркском каганате боролся за власть с правящим родом Ашина.

Столицей Великой Болгарии стала разграбленная еще в IV в. гуннами Фанагория. После разорения жизнь в этом городе на протяжении двух веков только тлела. Уцелевшие после погрома жители ютились кое-где в старых (римского времени) жилищах. В VII в. город начал вновь застраиваться: проводилась перепланировка кварталов — на развалинах вырастали новые дома, выстроенные из камня, полученного при разборке мешающих прокладке новых дорог остатков прежних зданий. Улицы мостились обломками античных сосудов (амфор и пифосов), костями животных, щебенкой. В строительных приемах появился новый принцип кладки стен из двух щитов, сложенных из рваного камня на глиняном растворе, а иногда и всухую, и насыпанного между щитами мелкого щебня.

Примерно в 40-х годах VII в. умер Кубрат. После его смерти распалось и созданное им объединение. Наиболее крупными ордами были две: одна возглавлялась ханом Аспарухом, другая — его братом Батбаем. Очевидно, какое-то время они мирно сосуществовали, кочуя по обширным приазовским просторам: на лето отходили в

глубь степей, весной подходили вплотную к берегу моря и занимались ловлей рыбы и выпасом стад на весенних приморских пастбищах. (Остатки сезонных кочевок, на реках и вдоль берега моря, с обломками различной керамики VII—VIII вв. в большом количестве найдены были советскими археологами, прошедшими по дорогам древних болгарских кочевий.)

Одновременно с Великой Болгарией в прикаспийских степях началось сложение Хазарского государства. Остатки некогда могущественного тюркского рода Ашина, бежавшего на запад, осели у хазар и основали там новую правящую династию. Хазары считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата, своего правителя называли каганом, а государство — каганатом. Этим они поставили новый каганат во враждебные отношения и с тюрками, и с болгарами, у которых власть принадлежала, как мы говорили, представителям мятежного рода Дуло.

Однако хазары были этнически очень близки болгарам. Кроме того, в конфедерацию хазарских родов входили и многочисленные болгарские роды. Ослабление Великой Болгарии привело хазарских правителей к мысли о присоединении к своему объединению и приазовских болгар, а также о захвате их великолепных пастбищ и начинающих отстраиваться черноморских портов. Захват Приазовья казался хазарам настолько важным, что царь Иосиф считал этот политический акт началом образования Хазарского государства.

Болгары под предводительством энергичного и талантливого хана Аспаруха оказали хазарам сопротивление, но Батбай не поддержал брата, и Аспарух вместе со своей ордой откочевал на Дунай, став там основателем нового государства — Дунайской Болгарии.

Батбай остался в Приазовье и подчинился кагану. Размеры Хазарии сразу увеличились вдвое. Появились не только новые кочевки, но выросло и количество населения в каганате. Причем этническая и языковая близость этого населения с племенами хазарской коалиции привела к быстрому слиянию их в единый, достаточно монолитный союз.

Возникла федерация равных, возглавленная хазарским (тюркским) родом Ашина и номинально управляемая каганом, происходящим всегда из этого рода. Входившие в союз племена и народы пользовались относительной

свободой. Правитель савир Алп-Илитвер, судя по данным Моисея Каганкатваци, самостоятельно от хазар ходил в походы и заключал сепаратные мирные договоры. Он женился на дочери албанского князя, а в 682 г. принял христианство.

Распространение власти хазар на Приазовье неизбежно привело к установлению тесных контактов между ними и Византийской империей. Ободренные своей легкой победой над болгарами, увлеченные погоней за ними почти до Дуная, хазары в мощном порыве на запад захватили не только приазовские степи, но и Северное Причерноморье, а также часть степного Крыма: «Хазары, великий народ..., овладели всей землей вплоть до Понтийского моря»[10],— сокрушается Феофан Исповедник. В результате географического сближения хазар и Византии хазарский каганат оказался в конце VII — начале VIII в. в центре политических интриг империи.

В 695 г. в далекую провинцию империи — Херсон был сослан свергнутый император Юстиниан II. Ссыльный император не оставил надежду вновь обрести трон, однако его активность сильно не нравилась херсонитам, которые донесли о ней в столицу. Юстиниан же, не дожидаясь реакции на этот донос в Константинополе, бежал в Крымскую Готию, находившуюся в то время уже под протекторатом хазар.

Хазарский каган Ибузир Гляван (в греческой транскрипции) обещал помощь экс-императору и даже выдал за него замуж дочь, которую крестили и нарекли именем Феодора. Затем новый зять был поселен в Фанагории под личным присмотром правителя Боспора Болгация и представителя кагана Папация. Византийцы, узнав об этих событиях, начали уговаривать кагана убить Юстиниана, обещая за это значительный выкуп. Опытный интриган и политик, Юстиниан, предупрежденный женой о надвигавшейся опасности, бежал в Дунайскую Болгарию и с помощью хана Тарвела захватил в 705 г. Константинополь и царский трон. Он вывез из Хазарии свою жену и маленького сына, которого нарек Тиверием и объявил соправителем.

В 710 г. Юстиниан организовал поход на враждебный ему Херсон. К этому времени херсониты, опасаясь мести императора, отложились от империи и отдались под покровительство кагана, который немедленно прислал в го-

род своего тудуна (правителя). Тудун обязан был следить за местным управлением и за поступлением налогов в казну кагана.

Юстиниан начал войну с хазарами не только за Херсон, но за весь Крым и Боспор. Вскоре его войска заняли Херсон, разграбили и сожгли город, были сожжены его правители, жители поголовно обращены в рабство, а тудун взят в плен и отправлен в Константинополь. Однако город быстро отстроился, а население его подняло восстание против Юстиниана, которое возглавил ссыльный — богатый и знатный армянин Вардан. Херсониты объявили его императором Варданом-Филиппом.

Весь Крым в короткое время был охвачен восстанием против Юстиниана. Хазары, к которым обратился Вардан, помогли ему, несмотря на то, что Юстиниан пытался восстановить отношения с каганом, возвратив ему взятого в плен в Херсоне хазарского тудуна. Тудун, к несчастью, умер в дороге, и хазары в отместку уничтожили его греческую свиту (300 человек). С Юстинианом было все порвано. Хазары двинули свои силы к Херсону. Армия Юстиниана также перешла на сторону вновь провозглашенного императора Филиппа. В 711 г. Филипп переправился в Константинополь, захватил власть, казнил Юстиниана, а его воины зарезали сына Юстиниана Тиверия.

Хазары, игравшие в этой длительной и сложной борьбе за власть не последнюю роль, приобрели надежного союзника для отпора надвигающейся уже через Закавказье в прикаспийские степи новой силе — арабам. Поскольку Византия была и сама кровно заинтересована в этом союзе против арабов, она пошла на всевозможные уступки хазарам, чтобы закрепить его. В частности, все крымские противоречия обе империи разрешили без проволочек — Херсон по обоюдному согласию отошел к Византии, а весь Восточный Крым и степи западной части остались за Хазарией.

Итак, к началу VIII в. федеративный союз племен, возглавляемый хазарами, занимал уже степи и предгорья современного Дагестана и Прикубанья, приазовские степи, частично степи Северного Причерноморья и бо́льшую часть Крыма с входившими в нее приморскими городами, начавшими к этому времени интенсивно отстраиваться после длившегося несколько столетий запустения.

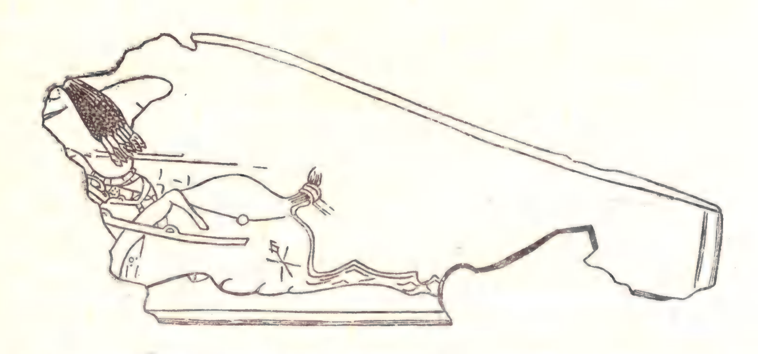
Глава 3

ОТ КОЧЕВИЙ К ГОРОДАМ

Основной формой ведения хозяйства в каганате долгое время продолжало оставаться кочевое скотоводство. Сочетание богатых травой степных просторов и горных пастбищ способствовало тому, что кочевание здесь приобрело отгонный характер: зимой население максимально использовало степные корма, а весной стада отгонялись на все лето на горные луга. На зимних пастбищах, у рек и ручьев, появлялись более или менее постоянные поселения — зимовища. Летом на них оставались старики и неимущие, не имевшие для передвижения по степи необходимого количества скота и не нанявшиеся на службу к богачам. Чтобы не умереть с голоду, они начинали заниматься земледелием и кое-какими ремеслами. Так постепенно возникали в кочевой степи поселки с оседлым населением.

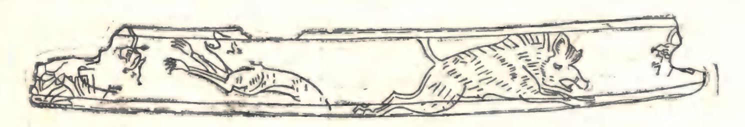
В первую очередь, естественно, стали осваиваться труднодоступные для врагов мысы и плодородные долины горных рек: Сулака, Акташа, Терека и др. Интересно, что почти все они располагались по пути следования стад из прикаспийской степи в горы, т. е. на традиционных дорогах страны. По ним в глубь каганата проникали и торговые караваны из Закавказья и Передней Азии. Развитие земледелия, освоение ремесел и широкие торговые связи создавали предпосылки для образования поселений городского типа. Те из них, которые располагались на особенно оживленных магистралях и к тому же были хорошо защищены, разрастались в большие города.

Большинство открытых в Дагестане в наши дни поселений было укреплено мощными рвами и глинобитными, саманными или сложенными из рваного камня стенами. Идентификация этих древних городищ с названиями хазарских городов, перечисляемых в различных источниках, вызывает в науке горячие споры. Одни ученые идут

Обломок накладки от седла с изображением всадника с косами. Кость. Найден в кургане у села Чир-Юрт

по пути максимального сокращения количества городов, приписывая разные наименования одному городищу, одному населенному пункту (например, чаще всего утверждается, что столица древнейшей Хазарии называлась и Варачан, и Беленджер, и Семендер), другие, наоборот, считают, что разные городища можно отождествлять с одним названием. Плодотворной представляется попытка идентификации древнего Беленджера с известным еще в XIX в. городищем у села Чир-Юрт на реке Сулак в Дагестане. Городище это расположено у выхода реки из предгорий на равнину. Размеры древнего города очень значительны — около 16 тыс. $м^2$. Со стороны поля он укреплен грандиозным рвом и стеной, достигающей 10 м ширины, сооруженной из камня и саманных кирпичей с прослойками камыша, игравшими роль мягкой подушки при землетрясениях. Стена снабжена полукруглыми выступающими башнями. Кроме них, с ней перемычками соединены круглые выносные башни, основанием для которых служили громадные насыпи — курганы. О мощных укреплениях Беленджера писали арабы. Таба-

Обломок накладки от седла с изображением волка и кабана. Кость. Найден в кургане у села Чир-Юрт

ри отмечал, что с башен этого города хазары нанесли арабским войскам большой урон.

Чир-Юрт закрывает вход в плодоносную долину Сулака, которая была чрезвычайно плотно заселена в эпоху раннего средневековья. В этой долине на протяжении всего 10—15 км обнаружено 12 укрепленных и неукрепленных поселений. В арабских источниках нередко город Беленджер именуется «страной» или «владением» Беленджер (буквально «много городов»). Армянские авторы называют Беленджер Варачаном и полагают, что город этот — столица Берсилии. Слово «Беленджер», если считать его иранским, состоит из двух частей — «боланд» и «джор», что означает «длинный» и «расселина». Именно так и выглядит «страна» Беленджер. Видимо, река Сулак в древности также называлась Беленджер (в 723 г. арабы взяли Беленджер, и арабский военачальник приказал пленных утопить в реке Беленджер, так как их оказалось слишком много. Единственная река в Дагестане, в которой можно утопить людей,— Сулак. Остальные реки — мелкие и широкие, с каменистым руслом).

Вокруг городища раскинулись многочисленные кладбища, которые состоят из бескурганных катакомбных и простых ямных могил. Раскопки их показали, что они относятся к VII — началу IX в.

К северо-востоку от городища сразу же после небольшого примыкающего к стене поселения с почти отсутствующим культурным слоем и остатками саманных домов на каменных цоколях начинается обширный, тянущийся на несколько километров курганный могильник из нескольких сотен насыпей.

Курганы расположены на предгорной, довольно узкой террасе и разделяются на несколько групп. В каждой группе есть большие курганы и окружающие их малые. Поскольку насыпи сооружались просто из материковой глины, они сильно расплылись, многие из них почти не видны на поверхности. К тому же все большие и средние курганы были разграблены. Около 10 курганов раскопали археологи.

Результаты оказались исключительно интересными — ученые обнаружили еще один тип погребений — катакомбы под насыпями.

Дромосы катакомб (входные длинные и узкие ямы) забиты камнем, входы в камеру аккуратно закрыты ка-

менной плитой или сложенной из камня или саманного кирпича стенкой. Сами камеры имеют вид кибиток, стены их побелены. Погребения отсутствуют — грабители вытащили буквально все, даже мелкие кости. Случайно уцелели лишь обломки погребального инвентаря: золотые бляшки от пояса, костяные накладки на седло с выгравированной на них сценой конной охоты, золотая византийская монета начала VIII в. Вещи, найденные в катакомбах, свидетельствуют о богатстве похороненных. Удалось установить и время ограбления курганов. Первый раз их обобрали арабы в начале VIII в., второй — русские солдаты, произведшие «раскопки» по приказу главнокомандующего.

Три типа погребальных сооружений вокруг Чир-Юрта принадлежат, по-видимому, трем разным этническим группам, представители которых заселяли город: катакомбы — аланам, ямные погребения — болгарам и, наконец, подкурганные катакомбы,— очевидно, господствующему народу — хазарам. Это была богатая аристократия города и «страны» Беленджер. На курганном кладбище исследователи обнаружили две небольшие выстроенные в VIII в. церковки, свидетельствующие о христианизации правящей верхушки каганата в то время.

Второй крупный город Хазарии — Семендер. По данным многих арабских авторов, он находился между Дербентом и Итилем. При этом они называют различные расстояния между тремя городами. Истахри писал, что от Дербента до Семендера четыре дня пути, а от Итиля — семь, Масуди — что соответственно восемь и семь дней. Мукаддеси указывает, что город расположен был у озера между «рекой хазар» и Дербентом. В трактате неизвестного автора «Худуд-ал-Алам» («Границы мира») говорилось, что Семендер стоял на берегу моря, это же утверждал каган Иосиф.

Все сообщения достаточно разноречивы, однако из них следует, что Семендер нужно искать где-то на прикаспийской равнине, недалеко от Дербента (четыре — восемь дней пути), на берегах моря и озера. Ряд ученых полагает, что у современной Махачкалы. Именно здесь, у Махачкалы, горы подступают к морю почти как у Дербента, образуя всего четырехкилометровый коридор, который легко можно было перекрыть стенами и другими укреплениями. Вероятно, город, раскинувшийся на отрогах гор

и в долине, вплотную прижимался к небольшому озеру Ак-Гель (в километре от моря), а также и к самому морю — к гавани. Весьма существенным является и то, что на западной окраине Махачкалы, в селе Тарки, археологи обнаружили остатки города хазарского времени: культурные слои и сложенную из камня стену, которая тянется по гребню склона к морю (как в Дербенте).

Сходство Семендера и Дербента, видимо, не случайно — и те, и другие укрепления сооружались при персидском шахе Хосрове Ануширване в VI в. Название «Семендер» в переводе с персидского означает «крайняя дверь». Очевидно, первоначально Семендер был крайним северным укреплением Ирана, преграждавшим путь кочевникам. Позднее он разросся, превратился в город. Выгодное положение у морской гавани выдвинуло его среди других городов хазар, и на некоторое время он стал столицей каганата.

Интересно, что находит подтверждение казавшееся некоторым ученым невероятным сообщение арабов и Иосифа о виноградниках и садах, окружавших оба города. Анализы почв и палеоботанических остатков показали, что земледелие около этих городов, несомненно, существовало, виноградарство было развито, удалось даже обнаружить следы орошаемых в древности почв.

Жилищами в обоих городах служили «палатки» и «строения из дерева с горбатыми кровлями». Немногочисленные следы их обнаружены в слоях Чир-Юрта. Весь культурный слой и весь материк под ними изрезаны огромными хозяйственными ямами —хранилищами для зерна и других продуктов, снятых с полей.

Мощные города-крепости с системой оборонительных сооружений, аналогичной чир-юртской, известны и вне бассейна Сулака -- на Акташе и Тереке. Один из них, Азар (Хазар)-кала, находился на реке Ярыксу (притоке Акташа), второй — на мысу высокого берега самого Акташа. Оба они имеют мощные культурные напластования (от II—III вв. до IX в.), оба длительное время существовали без укреплений. Оба были возведены только в хазарское время. Анализы почв около этих памятников показали, что долину Акташа земледельцы сумели освоить так же, как долину Сулака.

Не меньший интерес представляют и два городища в нижнем течении Терека, расположенные у станиц Некра-

совской и Шелковской. Оба находятся в низкой долине, оба укреплены сложенными из саманного кирпича стенами и глубокими рвами, в древности наполненными водой. Есть между ними и различия — Некрасовское, сближаясь с акташским, имеет значительный культурный слой, на Шелковском его нет. Отсутствие культурного слоя говорит о кратковременности жизни этого поселения. Но мощь его укреплений, несомненно, является свидетельством большого стратегического значения крепости. Очевидно, в отличие от всех предыдущих крепость выросла не на старом поселении, а на чистом, свободном от застроек месте в VIII в. Вокруг нее сразу же были разбиты поля и виноградники (следы древнего земледелия найдены палеоботаниками). К югу от городища разбросаны по равнине большие, видимо хазарские, курганы, напоминающие по форме чир-юртские.

Арабоязычные географы, в частности Ибн-Хордадбех и автор «Худуд-ал-Алам», дают два абсолютно идентичных списка хазарских городов, в который входит 10 названий: Итиль, Семендер, Хамлидж, Байда, Беленджер, Савгар, Хтлг, Лкн, Сур, Масмада. Список этот составлен уже в IX—X вв., поэтому в него попал, например, Итиль, возникший на Волге около середины VIII в. Однако большинство наименований относится, видимо, к северокавказским поселениям. Локализация древних городов почти всегда очень условна. Даже крупнейшие из них отождествляются с конкретными памятниками гипотетично, тем более трудно сказать, где находились Хамлидж и Байда, Савгар, Хтлг и др. Мы можем лишь констатировать, что в древнейшей Хазарии были уже довольно большие укрепленные поселения, которые современники называли городами.

На равнинной территории Дагестана в настоящее время также обнаружены остатки древних поселений. Они круглые или овальные в плане, не превышают 100 м в диаметре и окружены мощными саманными стенами, необходимыми не только для охраны от врагов, но и от ежегодных весенних паводков. Культурные слои на этих поселениях датируются III—IX вв., укрепления же на них были сооружены в хазарский период[1]. Очевидно, прослеженное учеными увлажнение климата в то время заставило жителей обнести свои опорные пункты стенами. Другой причиной, повлекшей возведение укреплений,

Горлышко бурдюка с изображением кочевника, ведущего за повод верблюда, запряженного в повозку. Кость. Музей этнографии в Ленинграде

были, видимо, вторжения арабов в Хазарию в начале VIII в.

Небольшие размеры крепостей указывают на то, что внутри их обитала, как правило, одна аристократическая семья. Кольцевые или овальные в плане городища характерны именно для кочевников. Недаром даже в тюркских сказках богатырь говорит жене: «Я поеду вперед. Где будет черта — иди. Где будет круг — ночуй». Герой таким способом намечает пункты для перехода — перекочевки своей семьи. Многие кочевники, в частности башкиры, почти до середины XIX в. устраивали подобного типа стойбища.

Бурный процесс оседания на землю, наличие городов, имущественного неравенства, особенно ярко видимого при изучении некрополей, маленьких крепостей, весьма напоминающих феодальные замки,— все это свидетельствует о возникновении в каганате уже в ту эпоху классового общества. Судя по бытованию в Хазарии постоянных зимовищ, земли — пашни и пастбища, рыбные и охотничьи угодья распределялись между родами. В X в. в письме Иосифа об этом пишется как о давно известном факте: «Каждый из [наших] родов имеет известное [наследственное] владение, [полученное им] от их предков» [2]. Племенной союз хазар и болгарских племен превращался в классовое государство.

Об общественном устройстве хазар того периода сохранилось очень мало сведений в источниках. Видимо, вместе с родовой аристократией тогда появилась уже в каганате чиновничья (служилая) знать. Так, в Фанагории на Боспоре сидели болгарский правитель и каганский тудун. Такого же тудуна, как мы помним, хазары послали в Херсон сразу после присоединения города к Хазарии.

В письме Иосифа говорится о том, что, начиная во всяком случае с VIII в., власть у хазар передавалась по прямой линии — от отца к сыну, а это чаще всего свидетельствует об установившихся государственных традициях и крепости центральной власти.

Однако власть кагана в Хазарии не была неограниченной. Этому мешала так называемая сакрализация его власти и его персоны.

Об обычаях, связанных с сакрализацией, мы знаем благодаря более поздним источникам (X в.), тем не менее их можно привлечь и в разделе о политической жизни хазар VII—VIII вв., так как логично предположить, что явно архаические обычаи, известные в X в., существовали, естественно, ранее этого времени. Один из таких обычаев описывает Истахри: «Когда они желают поставить когонибудь хаканом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: «Как долго желаешь царствовать?» Он отвечает: «Столько-то и столько-то лет» [3]. Обычай, несомненно, связан с верой в божественную силу вождя — он сам в полузабытьи обязан определить срок пребывания в его теле такой силы.

В божественную силу вождя верили многие народы мира на ранних этапах развития религиозных представлений. При этом считалось, что, старея, вождь теряет силу, поэтому его убивали и заменяли новым. Так же жестоко расправлялись со своим каганом и хазары: при любом несчастье, обрушивавшемся на страну (засуха, разорение, неудача в войне), «чернь и знать» спешили к царю (князю) и заявляли ему: «Мы приписываем свое несчастье этому хакану, и его существование нам приносит несчастье. Убей его или отдай его нам — мы его убьем» [4].

Вера в божественную силу кагана и страх потерять ее приводили к тому, что почти все действия кагана и все предметы вокруг него табуировались.

1. Треугольная поясная пряжка с изображением «рогов» на углах. Бронза. Государственный Эрмитаж

2. Подвеска-амулет с соколиными головками. Бронза. Государственный Эрмитаж

3. Подвеска-амулет, изображающая коня. Бронза. Государственный Эрмитаж

4. Кувшин из могилы древнего болгарина. Глина. Государственный Эрмитаж

5. Удила. Железо. Белгородский историко-краеведческий музей

6. Стремена с резной подножкой. Железо. Белгородский историко-краеведческий музей

7. Боевой топорик. Железо. Белгородский историко-краеведческий музей

8. Сабля. Железо. Государственный Эрмитаж

9. Лемех от плуга. Железо. Государственный Эрмитаж

10. Горшок со знаками, прочерченными до обжига. Глина. Государственный Эрмитаж

11. Виноградарный нож. Железо. Государственный Эрмитаж

12. Кухонный горшок, характерный для болгар Подонья. Глина. Государственный Эрмитаж

13. Кухонный горшок, характерный для алан, населявших Верхнее Подонье. Глина. Белгородский историко-краеведческий музей

14. Фляга с тюркоязычной надписью, сделанной тюркским алфавитом. Глина. Новочеркасский музей истории казачества

15. Кувшин «тмутараканского» типа. Глина. Керченский историко-краеведческий музей

16. Амфора — сосуд для перевозки и хранения жидких продуктов. Глина. Керченский историко-краеведческий музей

17. Две половинки коробочки-дарохранительницы с изображениями сидящих львов. Бронза. Государственный Эрмитаж

18. Бляхи от пояса с изображением орла, терзающего зайца, и двух орлов с человеческой фигурой в центре. Бронза. Государственный исторический музей

19. Подвески-амулеты со стилизованной фигуркой всадника на грифоне. Бронза. Государственный Эрмитаж

20. Зеркало. Сплав серебристой бронзы. Белгородский историко-краеведческий музей

21

21. Бляха с изображением кабанов и птицы. Кость. Государственный Эрмитаж

22. Горлышко бурдюка и прорись изображений на нем. Кость. Государственный Эрмитаж

22

23

24

25

23. Край хазарского блюда с изображением ритуального свадебного единоборства богатыря с девушкой-богатыршей. Серебро. Государственный Эрмитаж

24. Накладка с изображением морды волка. Кость. Государственный Эрмитаж

25. Стилизованное изображение лошади. Костяная пластина. Государственный Эрмитаж

26. Кистень с прочерченными на нем тамгами. Кость. Государственный Эрмитаж

27. Сосуд, характерный для кочевников (гузов и печенегов). Глина. Государственный Эрмитаж

Жизнь его превращалась в цепь тяжелых запретов. Естественно,что в таком положении каган не имел возможности править страной. Ею правил, как говорят опять-таки поздние источники, царь (в различных документах он называется по-разному: каган-бек, бек, шад).

Рассказывая о принятии иудаизма хазарами, Иосиф писал, что хазарский каган Булан заверил ангела, который явился ему во сне, в том, что сам он, безусловно, перейдет в иудаизм, но «народ, над которым я царствую,— заметил Булан,— люди неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне... Явись к такому-то главному князю их, и он поможет мне в этом деле...» [5] Только после вмешательства этого царя (князя), новая вера была якобы одобрена народом. Итак, в Хазарском государстве уже во времена Булана (VIII в.) существовал, видимо, соправитель, имевший реальную власть в стране.

Экономическое развитие, расслоение общества на классы, становление государства неизбежно повлекло за собой изменения в духовной жизни общества. Многочисленные языческие верования должны были смениться единой государственной религией. Такой религией мог стать какой-то общий культ или одна из мировых религий.

Еще до истории, описанной Иосифом и говорящей об интересе, проявленном хазарским каганом к иудаизму, в Хазарии произошли события, рассказ о которых сохранился в «Истории агван» Моисея Каганкатваци. В нем повествуется о миссии епископа Исраила в 80-х годах VII в. к язычникам-савирам.

Савиры «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными». Они устраивали коллективные камлания — «дикие пляски и битвы на мечах в нагом состоянии» [6]. Однако среди множества божеств (тенгри) наиболее почитаемый был Тенгри-хан — «чудовищный громадный герой», бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг священных дерев, а голову и кожу вешали на сучья». По-видимому, именно его символические изображения — «золотые языческие амулеты» — носили савиры.

Поклонение единому божеству — Тенгри-хану — говорит уже о стремлении савир создать какой-то общий культ — культ бога-героя. Поскольку солнечные амулеты

Тенгри-хана были распространены по всему каганату, можно думать, что культ этого бога приняли все народы государства. Культ бога-героя переплетался с культом княжеской власти, с культом вождей. Вполне возможно, что и сакрализация власти самого кагана началась с внедрения культа Тенгри-хана. Однако савирскому князю Алп-Илитверу, мечтавшему, видимо, отделиться от каганата, удалось на короткое время обратить свой народ в христианство. Святилища были разрушены, священные дубы сожжены, епископ Исраил «своими руками ломал амулеты и из них делал изображения креста господня» [7]. Тогда же, очевидно, были выстроены два христианских храма на некрополе у Беленджера.

Кагану крайне не понравилось обособление Алп-Илитвера. Он быстро привел его к изъявлению покорности, а в залог взял у него дочь в супружество, т. е. в гарем (по сведениям Ибн-Фадлана хазарские каганы и позже, в X в., брали в жены дочерей вассальных князей). Христианизация Хазарии вообще не устраивала кагана, поскольку она по существу означала идеологическое подчинение соседним христианским странам и, главное, могущественной Византийской империи, в то время как культ языческого Тенгри-хана укреплял его власть в качестве представителя бога на земле.

Глава 4

АРАБСКИЕ ВОЙНЫ

В то время как в степях и предгорьях Северного Кавказа набиралось силы молодое Хазарское государство, закавказские страны были охвачены пожаром арабской войны. После покорения Сирии и Месопотамии арабы обратили свои взоры на север. В первую очередь они обрушились на Армению, раздираемую феодальными междоусобицами. В 640 г. они взяли столицу Армении Двин и, забрав большую добычу, ушли из страны. В последующие затем годы арабы систематически нападали на Закавказье и грабили его.

В 654 г. началась настоящая война. Полководец Хабиб Ибн-Маслама занял Армению и Грузию, а Сальман Ибн-Рабиах аль-Балхи — Албанию. Его брат Абд-ар-Рахман захватил Дербент и двинулся оттуда в страну хазар — к Беленджеру. Мы уже знаем, что город этот был сильно укреплен. Беленджерцы выдерживали в течение нескольких дней осаду, несмотря на мощный натиск арабов, пользовавшихся метательными орудиями, а затем, дождавшись помощи подоспевших к городу «тюрков», атаковали врагов и разгромили их. Абд-ар-Рахман был убит, вместе с ним погибло 4 тыс. воинов, остальные бежали в Дербент. Так описал первое серьезное столкновение арабских войск с хазарами Табари.

Оказалась недолговечной и победа арабов над закавказскими странами. Постоянные междоусобицы в халифате в 70-х годах VII в. настолько ослабили его, что Армения, Грузия и Албания смогли фактически освободиться. Власть халифата над ними стала номинальной. Однако не успели эти страны вздохнуть, как новое бедствие постигло их. К 684 г. относится одно из наиболее крупных нашествий хазар на Закавказье. Нашествие явилось, видимо, ответом на самовольные действия Алп-Илитвера, женившегося, как мы помним, на дочери албанского князя и

принявшего христианство. Алп-Илитвер связал судьбу своих владений с Албанией и частично с Арменией — на них и обрушились хазары. Они полностью опустошили несколько областей, захватили добычу и пленных. В сражениях с хазарами погибло множество народа, в том числе правитель Армении Григорий Мамиконян и несколько виднейших албанских и грузинских князей. Албания была обложена тяжелой данью.

Мы не знаем, сколько лет Албания выплачивала дань каганату, известно только, что в 692 г. арабский правитель Армении Мухаммед Ибн-Огбай прошел через Албанию и занял Дербент. Он, видимо, хотел создать прочный щит против хазарских набегов. Для беспрепятственного завоевания закавказских стран и владения ими арабам прежде всего нужно было обезопасить себя от хазарского вмешательства. Действительно, какое-то время хазары, занятые к тому же дворцовыми интригами Юстиниана II, не мешали халифату. Тем не менее долго неизменным это положение оставаться не могло — Ибн-Огбай не смог даже удержать захваченный Дербент, поскольку известно, что в 708 г. арабы вновь брали его. В 710 г. его снова захватили хазары. В 713 г. знаменитый арабский полководец Хабиб Ибн-Маслама, наконец, с большим трудом оттеснил хазар из Албании и осадил Дербент. Город в течение трех месяцев держался. Оборонял его трехтысячный хазарский гарнизон. Масламе удалось взять Дербент только благодаря измене одного из городских жителей, показавшего подземный ход в крепость. Интересно, что арабы, не надеясь, очевидно, удержать крепость за собой, предпочли разрушить ее стены и башни.

Описывая этот первый поход Масламы, армянский автор VII в. Гевонд рассказывает, что арабы после взятия Дербента вторглись в хазарские земли и дошли до города Тарку (Семендера). Здесь они встретились с войском хазарского кагана. Обе армии несколько дней стояли в бездействии, выпуская только отдельных удальцов для единоборства. Маслама, опасаясь явного численного превосходства хазар, тайно отвел свои войска назад, в Грузию, оставив для разграбления лагерь, полный имущества, и даже собственный гарем.

Снова хазары захватили часть албанской земли. В течение четырех лет они хозяйничали в северной части

Азербайджана, а в 721 г. вторглись уже в Армению и уничтожили стоявшее там арабское войско. Новый арабский наместник Армении Джеррах Ибн-Абдаллах ал-Хаками выступил против хазар с вновь сформированной сильной армией. Так началась длившаяся более полутора десятилетий война арабов против хазарского каганата. Арабы предприняли несколько походов в глубь хазарских земель, которые сопровождались разгромом городов, разорением страны и гибелью ее жителей.

Джеррах получил из халифата предписание атаковать хазар на их собственной территории. Отбросив хазар к Дербенту, он взял почти без сопротивления этот город, прошел дальше и уже в Хазарии встретился с сорокатысячной хазарской армией, возглавленной сыном кагана Барджилем. Несмотря на явное численное превосходство хазар (арабов было всего 25 тыс.), они потерпели сокрушительное поражение. Джеррах стремительным маршем подошел к Семендеру и осадил его. Жители сдались на милость победителя, поэтому Джеррах не тронул их, город остался цел, только из цитадели выселили людей. Ее заняли сами арабы. От Семендера Джеррах двинулся к Беленджеру. По пути он встретился с беленджерцами, пытавшимися преградить путь арабской армии. Интересно, что беленджерцы при этом пользовались старинным уже и для того времени способом обороны — они поставили на пути арабов огромный лагерь, окруженный связанными телегами. Арабам удалось разрушить тележную баррикаду: несколько воинов пробрались к телегам, разрезали связывающие их веревки и под тучами стрел растащили преграду. С большим трудом арабы одержали победу в рукопашном бою — и те, и другие сражались «пока душа в теле». Правитель страны Беленджер бежал вместе с 50 воинами. Его жена и дети были захвачены арабами. Джеррах отослал знатных пленников вслед за мужем и отцом и пообещал князю Беленджера сохранить за ним владение. Этим он завоевал симпатии и поддержку последнего. Но страну арабы безжалостно разграбили. Каждый конный воин арабской армии получил имущества на 300 динаров, а пеший — на 100. С учетом того, что в казну халифа шла пятая часть захваченной добычи, контрибуция была огромной. Очевидно, тогда же подверглись ограблению богатейшие курганы близ Беленджера — своеобразные сокровищницы хазарской знати. Пал и сам

город. Жители предложили выплачивать арабам подать, благодаря этому Беленджер, как и Семендер, остался цел и не подвергся тотальному разрушению.

Джеррах намеревался продолжать поход, но, узнав, что хазары собрали новую армию, вернулся на зимние квартиры в Албанию. Перезимовав, Джеррах не решился идти в Хазарию, так как не получил поддержки из халифата. Он предпочел более слабого противника — Аланию. В 724 г. Джеррах обложил алан подушной податью.

Для алан поход этот имел тяжелые последствия. Разоренные захватчиками, а затем систематически ограбляемые, они оставили насиженные и обжитые предгорья и двинулись в поисках новых земель, подальше от арабов — на север в верховья Северского Донца, Оскола и Дона.

В 724 г. в халифате умер старый халиф и к власти пришел новый — Хишам. Очевидно, Джеррах не принадлежал к его партии и поэтому сразу же был отозван с высокого поста правителя Армении и Албании. Его место занял Маслама. Назначение в закавказские страны не знающего поражений полководца говорит о том, какую роль отводил халифат борьбе с хазарами. Маслама поставил своим заместителем Саида Ибн-Амра ал-Хараши, известного дикими зверствами при подавлении восстания в Согде. Однако для борьбы с хазарами одной жестокости было недостаточно — Саид начал терпеть поражение за поражением. В 727 г. Маслама сам возглавил поход в Хазарию, который завершился разграблением одной из областей каганата. Армия кагана избежала столкновения и осталась по-прежнему грозной силой, нависшей над северными провинциями халифата. Поэтому в следующем же году Маслама вновь с большим войском направился в Хазарию. Более месяца он, переходя с места на место и изматывая этим свою армию, пробыл там. Несколько раз между войсками арабов и хазар происходили стычки, но уйти из страны Масламе пришлось не из-за них, а из-за проливных дождей, размывших дороги и наполнивших почти пересохшие русла бурными потоками. Ответом на эту неудачу был новый набег хазар на Албанию в 729 г.

Фактическое поражение Масламы и его заместителя привело к тому, что халиф отозвал их из Закавказья и снова назначил туда более удачливого Джерраха.

Полномочия, данные Джерраху, не были подкреплены ни средствами, ни войсками. Осведомленные о слабости арабов, хазары в 730 г. смогли организовать серьезный поход в Закавказье. Во главе войска встал, как и девять лет назад, сын кагана Барджиль. Армянские источники сообщают, что страной в то время правила мать кагана Парсбит, поскольку прежний каган неожиданно умер.

Барджиль, ворвавшись в Албанию, прежде всего приказал своим воинам повсеместно убивать мусульман, сам же с основными силами подошел к Ардебилю. Там, у стен города, и встретились арабская и хазарская армии. В тяжелейшем двухдневном сражении хазары разбили арабов и практически уничтожили их армию. Они не брали даже пленных, сам Джеррах погиб, его жена и дети были разделены между победителями, захватившими в лагере к тому же еще и огромную добычу. Пал и Ардебиль. Там также были истреблены все мусульмане и все, кто мог носить оружие. Слух об этих победах разнесся по всей Азии. О походе и победах хазар знали и в Византии. По прошествии 200 лет царь Иосиф по-прежнему хвастливо рассказывает о них в своем послании Хасдаю.

Халифу вновь пришлось прибегнуть к помощи старика Масламы, а до его приезда поручить ведение борьбы Саиду ал-Хараши. К этому времени хазары, воодушевленные победами, рассеялись по стране. Ал-Хараши начал с уничтожения этих небольших хазарских отрядов. В последнем сражении, происшедшем в Муганской степи, арабы чуть не взяли в плен самого Барджиля. Армию хазар они разбили, лагерь их захватили, и почти все награбленные богатства снова попали в руки арабов. Когда Маслама добрался до Закавказья, с хазарами было покончено — разбитая армия каганата отступила в Дагестан. Маслама, отстранив от дел Саида, попытался преследовать хазар, но дошел только до Дербента и, оставив в нем гарнизон, отправился зимовать в Албанию.

Весной 732 г. он снова осадил Дербент, из которого арабов уже выбили хазарские воины. В крепости засел отборный хазарский отряд, состоявший из тысячи воинов. Маслама не стал брать крепость, а через город двинулся прямо в Хазарию. Он жег и разорял все на своем пути, брал в плен жителей, угонял стада. Так он дошел до Семендера, у которого его встретил каган с огромной армией. Маслама испугался. Он тайком, ночью, разведя для

отвода глаз костры, отступил с позиций и стремительным маршем в один день довел свое войско до Дербента. Хазары кинулись в погоню, но, когда они подступили к стенам Дербента, арабы уже пришли в себя и, выдержав мощные атаки хазарской армии, укрепились в городе. Хазарский перебежчик в конце дня указал на место, где стояла каганская ставка. Арабские удальцы вновь бросились в атаку, буквально прорубая себе путь к повозке кагана через несколько рядов отборных хазарских воинов. Несколько арабов достигли ставки. Им удалось ранить кагана. В пылу битвы тот все же сумел бежать, но вдохновленные неожиданным успехом, арабы оттеснили хазар и сорвали их очередное наступление на Албанию. Затем Маслама с большим трудом отбил у хазар цитадель Дербента. Хазары держались до последней возможности, и только тогда, когда Маслама по наущению какого-то дербентца отравил воду в источнике, из которого шла вода в цитадель, хазары отступили — они ночью оставили крепость. Маслама укрепил Дербент, построил арсенал и поселил там колонию сирийцев, которым поручил охрану крепости. После этого он уехал из Закавказья, передав все дела Мервану Ибн-Мухаммеду — двоюродному брату халифа, одному из самых известных и удачливых арабских полководцев.

Первый поход Мервана оказался неудачным — в литературе его называют «грязным», поскольку на протяжении всего пути до Беленджера, куда Мерван направил свое войско, лили дожди и дороги развезло так, что полководец приказал отрезать хвосты у коней, залепленные глиной и мешавшие им двигаться. Захватив какое-то количество скота, Мерван вернулся в Албанию.

Поход этот был пробным. Мерван понял, что для серьезной борьбы с каганатом необходима иная тактика. Заключалась эта новая тактика, по его мнению, в неожиданности и стремительности нападения, в быстроте самого похода. Своими соображениями он поделился с халифом и для осуществления завоевания Хазарии попросил войско в 12 тыс. человек.

В 735 г. Мерван предложил кагану мир. Хазары в ответ на арабское посольство также отправили к арабам посла. Мерван захватил посла и, подготовив армию в 150 тыс. человек, направил ее двумя путями в Хазарию. Одну армию он вел сам через Дарьял, другая шла через

Дербент. Только тогда, когда арабы достаточно углубились на хазарскую территорию, Мерван отпустил их посла к кагану. Своим неожиданным сообщением о надвинувшейся опасности он так напугал кагана, что тот обратился в паническое бегство, даже не попытавшись организовать охрану страны.

Каган бежал в новую волжскую столицу ал-Байду, а затем, оставив там войско для охраны города, отправился на восток для тотальной мобилизации населения в каганскую армию. Мерван же стремился во что бы то ни стало помешать кагану собраться с силами. Поэтому он, не тратя времени на осаду ал-Байды, ринулся за ним по правому берегу Волги — на север. Предводитель хазарской армии, услыхав, что арабы разоряют буртасов, направился за арабами по левому берегу Волги, предполагая, видимо, неожиданным ударом разбить войско Мервана. Последний, несравненно более опытный в делах и хитростях войны, услышав о двигающемся параллельно его армии хазарском войске, ночью по понтонному мосту переправился на левый берег. Разведчики в случайной стычке убили хазарского полководца, а затем арабы обрушились на отдыхающую хазарскую армию. В несколько часов все было кончено — армия перестала существовать.

Узнав об этом, каган запросил немедленно мира. Мерван потребовал обращения кагана в мусульманство. В противном случае он грозил посадить на хазарский трон своего ставленника. Посол хазар испросил всего три дня сроку, чтобы съездить в ставку кагана и вернуться к Мервану с ответом. Очевидно, каган стоял совсем близко, и при этом отступать ему было некуда. Этим объясняются испуг кагана и его поспешное согласие принять оскорбительное требование Мервана. Он захотел только познакомиться с новой религией. И мусульманские учителя прибыли. Они запретили ему есть свинину и пить вино. Так каган на какое-то время стал мусульманином.

После этого Мерван направился назад в Закавказье, захватив громадное количество пленных и богатую добычу. Каган вернулся в приволжскую столицу. Несмотря на несомненную победу арабов, на полный разгром хазар, Хазария не стала вассалом халифата. Арабы, не обладая значительными силами, не захотели остаться в стране, им не понравилась холодная и мрачная северная земля. Через несколько лет каганат вновь окреп.

Хазария сыграла большую роль в истории восточноевропейских стран — она явилась щитом, заслонившим их от арабов, щитом, выдержавшим атаки непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед именами которых трепетали другие народы. Значительна роль каганата и для Византии. Войны с хазарами постоянно оттягивали большие силы арабов от границ империи. Все годы, пока шла война Хазарии и халифата, Византия имела некоторый военный перевес над арабами. Несомненно и то, что империя не раз инспирировала набеги хазар на северные провинции халифата. Для этого использовались самые разнообразные средства. Византийский двор всячески льстил кагану и «ласкал» его. Так, император Лев Исавр в 732 г. женил даже своего сына Константина на сестре кагана. Звали девушку Чичак, что означало «цветок». В крещении она известна как императрица Ирина, а ее сын Лев, царствовавший в 775—780 гг., получил прозвище Хазар.

Глава 5

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ ХАЗАРИИ

Длительная война с арабами тяжелее всего отразилась на экономике молодого Хазарского государства. Арабы неоднократно, как мы видели, вторгались на его территорию, разоряли и грабили города, жгли поселения, вытаптывали нивы и виноградники, угоняли скот с зимовищ, а население, как правило, забирали в плен и обращали в рабство. Поэтому уже в период войн началось постепенное, но настойчивое переселение алан, болгар и самих хазар на север — на широкие и обильные пастбища волжских, донских и донецких степей. Часть болгарских племен откочевала вместе с аланами в лесостепные районы, а оттуда еще дальше — в Прикамье (очевидно, город Сувар в Волжской Болгарии, который просуществовал до монголо-татарского нашествия, возвели савиры — выходцы из Восточного Предкавказья).

Появление в донских и приазовских степях населения, занимавшегося на Северном Кавказе земледелием, причем развитым, орошаемым земледелием, привело к тому, что донские и приазовские болгары стали активно оседать на землю.

Вот это массовое оседание на землю, переход к новому способу ведения хозяйства — земледелию, а вместе с тем и к ремесленному производству положили начало сложению культуры, названной салтово-маяцкой [1].

Уже сегодня мы можем наметить границы ее распространения: на севере — верховья Донца и Дона, на западе — правобережье Донца и Северное Приазовье, на юге — Восточный Крым и Восточное Приазовье, Кубань и далее до Каспия по предгорьям, на востоке — Каспийское море, левый берег Волги до Саратова и затем — междуречье Волги и Дона.

Культура эта делится на локальные варианты [2], тем не менее для нее характерен ряд общих, объединяющих

Булгар
БОЛГАРЫ
РАДИМИЧИ
Десна
ВЯТИЧИ
(В-н-н-тит)
СЕВЕРЯНЕ
(С-в-р)
Днепр
ПОЛЯНЕ
Рось
Донец
Оскол
Дон
БУРТАСЫ
ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ
ПЕЧЕНЕГИ
ГУЗЫ
Трулл (Днестр)
Кубу (Буг)
Врут (Прут)
Серет
АТЕЛЬКУЗУ
Донец
Бузан (Дон)
Саркел
Волга (Итиль)
Итиль
Семикаракоры
оз. Сарпа
(В-р-шан)
Варух (Днепр)
Уг-ру (Маныч)
120
180
К-р-ц
Боспор
Фанагория
Дорос
Таматарха
Херсон
Кубань
КАСОГИ
Дуна (Дунай)
МОРЕ КУСТАНТИНИИ
ГУРГАНСКОЕ МОРЕ
(ХАЗАРСКОЕ)
Терек
АЛАНЫ
Беленджер
Семендер
Сулак
1
2
3
4
5
6
7

особенностей:

1) бесфундаментная, «двухщитовая» кладка стен (довольно часто щиты сложены насухо без раствора; в южных вариантах типична кладка «елочкой»);

2) жилища трех основных типов: полуземлянки, юрты, сырцовые на цоколях (первые преобладают в лесостепи, вторые—в степях, третьи — в Приазовье, Крыму);

3) исключительное единство в керамическом комплексе (самая типичная посуда — серая или желтая столовая с лощеной поверхностью: кувшины, кружки, горшочки, пифосы, миски; затем следует кухонная: горшки разных размеров и подвесные котлы с внутренними ручками, украшенные сплошным или зональным линейно-волнистым орнаментом, причем горшки лесостепи, изготовленные с примесью крупной дресвы, тяжелее и массивнее степных, сделанных из глины с примесью легкого речного песка);

4) широкое распространение тарной посуды, особенно амфор (изготавливались они в основном в Крыму и отчасти, видимо, в Подонье), которая не попадала только в Предкавказье (по-видимому, потому, что там была принята другая тара — красноглиняные кувшины, аналогичные закавказским);

5) близость типов бытового инвентаря: сбруи, оружия, украшений (правда, одни и те же формы всех перечисленных категорий вещей были известны во всем кочевом и полукочевом мире Европы и Азии, что, очевидно, следует объяснить общностью экономического развития кочевых обществ той эпохи, но тем не менее особенно близкими являются вещи, принадлежавшие этнически родственным культурам и вариантам культур).

Единство культуры на всей указанной территории свидетельствует, по нашему мнению, о том, что это была культура не столько этническая, сколько государственная. Границы ее распространения совпадают с границами Ха-

Хазария в VIII—IX вв.

Условные обозначения: *1* — границы леса с лесостепью; *2* — хазарские крепости и города VIII—IX вв.; *3* — русские города IX—X вв.; *4* — путь печенегов по южнорусским степям в конце IX в.; *5* — направления экспансии Хазарского каганата в VIII—IX вв.; *6* — столица Волжской Болгарии; *7* — расстояние от летней ставки кагана на реке В-р-шан до границ личного домена

зарского каганата, о которых писал каган Иосиф, перечисляя пограничные с каганатом племена, страны и народы.

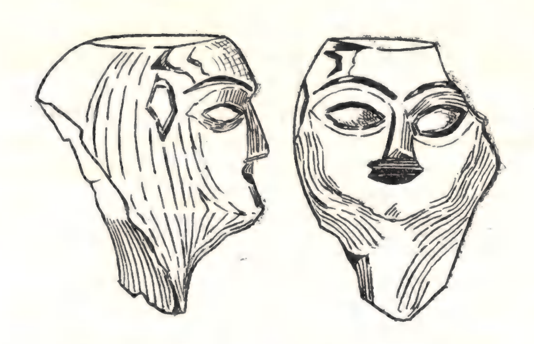
Вероятно, к середине VIII в. распространился по всей территории каганата и общий язык. Бируни сообщает, что языком алан, живших в Итиле, было смешанное хорезмийско-печенежское наречие. Следовательно, даже ираноязычные аланы восприняли уже тюркский язык основного тюркоязычного населения каганата — болгар и хазар, относящийся, как это установлено советскими тюркологами, к болгаро-печенежской группе тюркских языков. На всем протяжении страны, от лесостепи до Нижнего Дона, широко использовалась единая письменность — руническая, принятая у тюркоязычных народов.

К сожалению, до нас не дошло ни одной более или менее серьезной по содержанию тюркской надписи, подобной знаменитым орхонским надписям на каменных стелах, повествующим о победах и подвигах умерших правителей. Зато отдельные буквы рунического алфавита, а изредка и короткие фразы попадаются на камнях Маяцкого городища и иногда на бытовых вещах, которыми повседневно пользовались жители каганата. В частности, на Маяцком городище в настоящее время прочтены надписи следующего содержания: «Ума и Ангуш наши имена», «Элчи, и Ата-ач, и Бука трое их», а на одном из характерных для кочевников сосудов — на фляжке — было написано: «Кумыс, наливая в это большое отверстие, пей».

Предметы, на которых сделаны надписи, и само их содержание свидетельствуют о широко распространенной среди жителей Хазарии грамотности — грамотой владели простые строители крепости и степные кочевники среднего достатка.

Общие язык и письменность были еще двумя факторами, которые объединяли обитавших на огромной территории жителей каганата в единое целое, воспринимаемое так и их соседями, и ими самими, и всеми странами и государствами, с которыми они сталкивались в походах, на торговых путях, в дипломатических поездках. Этим единым целым было Хазарское государство, население которого, несмотря на разноэтничность, называлось, видимо, хазарами.

Истахри писал, что хазары делятся на белых и черных. Он полагал, что различие между ними чисто внеш-

Голова разбитого идола. Мел. Государственный Эрмитаж

нее: у черных смуглая кожа, они некрасивы, а белые отличаются необыкновенной красотой. Однако мы знаем, что у всех тюрок такое деление означало прежде всего деление на две социальные категории. Черные хазары были податным, зависимым населением, белые — свободным. Это была родовая и служилая аристократия. Вполне возможно, что Истахри отнюдь не преувеличил и разницу в их внешности. Бедняки, целые дни проводившие в поле или на коне при стаде, чернели от загара, у них, несомненно, более явственно выступала монголоидность, которая не могла казаться красивой арабу. В то же время господствующий класс, из поколения в поколение выбиравший жен среди самых красивых девушек своего рода, а нередко и из пленных — славянок, албанок, грузинок, армянок и т. д., постепенно терял характерные этнические черты, и представители этого класса своей изнеженностью и красотой, вероятно, резко выделялись на фоне черного люда.

На новых местах оседала на землю и переходила к земледелию опять-таки беднейшая часть населения, не имевшая возможности кочевать (для кочевания нужно определенное количество скота, которого у бедняков не было). Богачи — владетели стад — продолжали вести кочевой образ жизни. Зимой они сидели в теплых жилищах на зимовищах, а летом отправлялись в кочевку. Земли в то время были уже разделены между аристократическими родами: «с месяца Нисана» знатные жители выходили из города «к своему винограднику и своему полю, к своей полевой работе» [3].

Домен самого кагана (его кочевье) находился, как это было уже установлено по письму кагана Иосифа, к западу от Каспийского моря, а общие размеры его составляли 50×50 фарсахов (300×300 км). Зимовищем кагана являлся Итиль, стоявший на Волге, кочевка же кагана начиналась каждый год от реки В-р-шан, куда Иосиф со своим двором выезжал весной, и продолжалась все лето.

Трудно определить, где протекала эта таинственная река В-р-шан. По-видимому, ответ следует искать в письме Иосифа, так как нам кажется, что все расстояния он отсчитывает именно от этой реки, вернее от начала его кочевки, располагавшейся в 20 фарсахах (120 км) на север до склона реки Итиль к Каспию и от места сближения рек Итиль и Бузан. Бузан по этому отрывку отождествляется, несомненно, с Доном. На запад до него (до Саркела, стоящего на этой реке) 180 км. В точке пересечения этих указанных двух расстояний — большое и длинное озеро Сарпа, один из многочисленных водоемов, оставленных древним руслом Волги. Возможно, в хазарский период это русло — громадная старица Волги — воспринималось как река. Здесь и сейчас очень влажно, а Иосиф писал, что его страна имеет много рек и источников.

От озера Сарпа до Каспийского моря на юго-восток 180 км, что соответствует данным письма Иосифа, а на юге от него на расстоянии 180 км течет река Уг-ру, которую, видимо, можно отождествить с Манычем. Интересно, что Иосиф упомянул связь Уг-ру с Бузаном, написав, что последний вытекает из Уг-ру. На самом деле, как известно, Маныч является одним из самых крупных левых притоков Дона.

Итак, вероятно, кочевья кагана размещались в степях, ограниченных реками Волгой, Доном, Манычем и Каспийским морем. На западном рубеже домена были выстроены две крепости — Саркел и Семикаракоры, переросшие затем в города, на восточной границе находилось зимовище кагана и столица всего государства Итиль.

Впрочем Итиль служил зимовищем не только самому кагану, но и всей окружающей его свите, состоявшей в основном из богатой болгарской аристократии. Весной все они отправлялись, как и каган, в свои родовые кочевья, расположенные в непосредственной близости от каганского домена — на донском правобережье (по рекам Чир, Цимла, Аксай и др.).

Наиболее богатые главы родов, имевшие собственные зимовища, окружали их стенами, сложенными из белого камня. Вокруг них группировались оседло-земледельческие поселения, находившиеся как бы под охраной аристократа, сидевшего в каменной крепости — своеобразном замке феодала. Зимовища весьма напоминают кольцевые крепости, ставившиеся в прикаспийских степях, с той разницей, что там вокруг крепостиц не было обнаружено следов оседлых неукрепленных поселков.

Окруженные большими поселениями за́мки, стоявшие на торговых путях, перерастали в города. Именно таким городом, выросшим из за́мка кагана, был Итиль, который, как мы знаем из источников, находился где-то в дельте Волги.

Многие попытки найти его развалины так и не увенчались успехом. Он, по-видимому, полностью смыт часто меняющей русло рекой. До нас дошло несколько довольно подробных, хотя местами противоречивых, древних описаний этого города (в основном арабских авторов).

Итиль состоял из двух частей: кирпичного дворца-за́мка, построенного на острове, и собственно города, соединенного с за́мком плавучими мостами и также огражденного мощной стеной, сложенной из сырцовых кирпичей, потому что никто, кроме кагана, не имел права использовать при строительстве обожженный кирпич.

Крепость кагана называлась ал-Байда, или Сарашен, что значило «белая крепость». В начале VIII в. она стала центром большого города, который именовался Ханбалык, или Хамлидж. В нем было много общественных зданий: бани, базары, синагоги, церкви, мечети, минареты и даже медресе. Беспорядочно разбросанные частные постройки представляли собой глинобитные домики и юрты. Жили в них купцы, ремесленники и разный простой люд. Многочисленное население (по некоторым данным, 10 тыс. человек) отличалось этнической пестротой. Город утопал в садах, и, видимо, жилища стояли довольно далеко друг от друга (как в приазовских поселках). Поэтому он и занимал немалую по тем временам площадь (вдоль берега он тянулся на 1 фарсах, т. е. на 6 км).

По описаниям, Итиль напоминает «дагестанские» столицы — в нем, как и в Семендере, много садов, большое разноэтничное население, большие общественные здания и жилища в виде глинобитных мазанок и юрт.

Очень близко по типу к «дагестанским» укреплениям Семикаракорское городище, расположенное на Нижнем Дону, на речке Салок, притоке Сала, впадающего в Дон слева. Крепость квадратная в плане с квадратной же цитаделью внутри. Она стоит на большом пологом холме, очевидно, в древности окруженном водой или болотом. С нижней стороны к стенам примыкают огромные башни-курганы, подобные беленджерским. Еще один курган «встроен» в западную стену городища, он тоже, видимо, был башней. Наконец, с восточной стороны крепости, на территории холма, стоят еще три больших кургана. Стены городища сырцовые, сооружены они без фундаментов. Семикаракорское городище как бы перенесено на Нижний Дон из Дагестана: совершенно те же строительные традиции.

Большой интерес представляет и название соседней с городищем станицы, никак не объяснимое из известных источников XVI—XVII вв.— времени возникновения казацких станиц на Дону. В слове вполне различимы три тюркских корня: semiz — крепкий, kara — черный или sara — желтый, kel, kal — крепость. Следовательно, Семикаракор означает Крепкая (сильная) черная (или желтая) крепость. Городище только еще начинает исследоваться, но есть некоторые основания считать его остатками разросшегося из крепости города (посадское население могло селиться вокруг крепости — на холме).

Третьим городом каганата, возникшим благодаря росту населения и развитию ремесел и торговли в крепости и вокруг нее, был Саркел, что в переводе означало, по словам Константина Порфирородного, «белая крепость». Иосиф назвал его в своем письме Ш-р-кил. Это единственный хазарский город, исследованный археологами почти полностью.

Городище расположено в нижнем течении Дона, на левом берегу старицы, выше Семикаракорска на 100 км. В настоящее время развалины города лежат на дне Цимлянского моря, примерно в 15 км от берега. Спор о местоположении Саркела, будораживший научный мир с конца XIX в., блестяще разрешен работами М. И. Артамонова, который неопровержимо доказал тождество городища с хазарским городом Саркелом.

Саркел, согласно сообщению Константина Порфирородного, был построен в 30-х годах IX в. Византийский

император Феофил, рассказывает Константин, откликнувшись на просьбу кагана и царя Хазарии, послал в каганат инженера и дипломата Петрону Каматира, который и создал в месте, выбранном хазарами, кирпичное укрепление, названное Саркелом[4]. Город разместился на мысу, на искусственном острове, образованном рекой и глубоким проточным рвом, с внутренней стороны которого проходил земляной вал. Самую оконечность мыса, где стояла кирпичная крепость, защищал второй ров.

Археологи раскопали более половины всей крепости. Она имеет форму четырехугольника, обведенного кирпичными стенами с многочисленными башнями. Стены почти везде разобраны до основания местными жителями, использовавшими кирпич для современных построек. Размеры крепости 193,5×133,5 м. Толщина стен 3,75 м. Квадратные башни построены без фундаментов — прямо на выровненном материке. Главный въезд в крепость находился в пролете северо-западной башни. Поперечная стена разделяла крепость на две части. Меньшая, юго-восточная, не имела никаких наружных выходов — это была, очевидно, цитадель. Внутри нее, в южном углу, стояла квадратная в плане башня-донжон.

Несмотря на участие византийцев, крепость сооружена в местных (варварских) традициях: возведены мощные валы и рвы, отделяющие мыс от основного берега, стены построены без фундаментов, внутренняя площадь крепости разделена на несколько частей. Византийцы, возможно, посоветовали использовать кирпич для стройки, но в каганате кирпичное строительство уже хорошо знали и до этого — размеры кирпичей в Саркеле не византийские.

М. И. Артамонов полагает, что миссия Петроны была скорее дипломатической и шпионской, чем строительной. Недаром Константин Порфирородный писал, что Петрона по возвращении на родину представил подробный доклад о положении на востоке и о возможностях, открывающихся для империи в связи с некоторым ослаблением каганата.

Крепость Саркел просуществовала всего одно-два десятилетия. Затем ее начали заселять постепенно прибывающие жители. Когда на территории крепости не осталось ни клочка свободного пространства, кирпичные сооружения стали частично перепланироваться и разбирать-

ся. Из освободившегося кирпича строили вымостки для юрт, очажки и т. п. Большая площадь, огражденная валом, использовалась, видимо, в качестве загона для скота во время осады, а также для размещения купеческих караванов, проходивших через Саркел.

Этнический состав населения города был довольно пестрым. Судя по керамике и различным типам жилищ, в юго-западной части жили болгары, в северо-западном углу — какая-то группа славян и в цитадели — тюрки (гузы, хазары). Этот тюркский гарнизон охранял город и путь, на котором он стоял, от внешних врагов, взимал пошлину с купцов, проезжавших по реке и по сухопутной дороге, которая проходила мимо Саркела с юга на север.

Многочисленные привозные вещи свидетельствуют об оживленных торговых связях этого города с Закавказьем, Средней Азией, Крымом, Византией.

В городе жили не только торговцы, но и ремесленники: гончары, ювелиры, кузнецы. Продукция их расходилась среди окрестного населения. Торговля и ремесло превратили крепость, сооруженную в основном для охраны северо-западных границ каганского домена, в цветущий город.

Вместе с новыми городами, выраставшими из за́мков, во второй половине VIII в. начали отстраиваться разрушенные гуннами приморские города. Арабские источники их не упоминают, поскольку арабов они не интересовали, зато несколько морских портов перечислены в списке городов кагана Иосифа и два или три города названы в сочинениях византийских авторов.

В настоящее время некоторые из них уже хорошо известны археологам. Самкерц (Константин Порфирородный называл его Таматарха, а русские именовали Тмутараканью) расположен на мысу Таманского полуострова, на берегу Керченского пролива, в станице Таманской.

Это был крупнейший перевалочный пункт, где скрещивались многие морские и сухопутные дороги. Город возник на развалинах античной Гермонассы, и, судя по археологическим материалам, жизнь в нем не прекращалась даже в тяжелый период после нашествия гуннов.

Городище представляет собой огромный холм культурных напластований высотой 10—15 м. Волны Азовского моря постоянно размывают берег, и треть городища уже

обрушилась в море (размеры оставшейся части 300×200 м). В плане оно неправильно трапециевидное, с двух сторон ограничено глубокими оврагами, а с третьей — соленым озерцом или заливчиком, ныне пересохшим.

В VII—X вв. город занимал всю площадь холма и даже кое-где выходил за его пределы. Он был густо заселен, о чем свидетельствуют интенсивное нарастание культурного слоя, насыщенность его обломками разнообразной керамики, костями животных и многочисленными пересекающимися друг с другом кладками — остатками зданий. Постройки возводились на территории города без какого-либо учета общего плана, однако на тех участках, где сохранились древние здания в монолитных кварталах, новые жители лишь подновляли и надстраивали старые дома и мостили примерно каждые 20 лет улицы битой керамикой и костями (улицы в разрезе напоминали слоеные пироги). Нередко, правда, здания надстраивали уже не камнем, а саманными кирпичами. Новые кладки стен и цоколей всюду были сложены в «елочку» — прием этот во всем Причерноморье характерен для начала хазарской эпохи. В слое хазарского времени в Таматархе попадается наибольшее количество византийских монет, много привозной посуды. Тогда же возникли в городе собственные гончарные мастерские. Константин Порфирородный справедливо считал Таматарху большим торговым центром.

Следующим после Самкерца в списке Иосифа обозначен К-р-ц. Это Керчь — древняя столица Боспорского царства Пантикапей. Город примерно в VIII в. был занят хазарами и укреплен мощными каменными стенами с контрфорсами. В крепости сидел хазарский тудун. Однако по сравнению с богатой Таматархой Керчь в тот период играла, видимо, гораздо менее заметную роль в жизни Хазарии.

Иосиф ничего не говорит еще об одном большом приазовском городе, расположенном всего в 25 км от Таматархи на том же Таманском берегу, о городе Фанагории. Между тем о нем несколько раз упоминают византийцы, в частности, в рассказе об императоре Юстиниане он фигурирует в качестве бывшей столицы болгар и хазарского города, в котором правила хазарская администрация. Умолчание Иосифа объясняется, очевидно, тем, что в начале X в. город был полностью разрушен печенегами.

Во время написания ответа Хасдаю он уже не существовал. Интересно, что ничего не пишет о нем и Константин Порфирородный, который в своих сочинениях не раз возвращается к рассказу о приазовских болгарах.

Археологическое изучение Фанагорийского городища подтверждает сведения письменных источников. На развалинах античной Фанагории сначала возник небольшой поселок, превратившийся затем в VIII в. в цветущий, широко раскинувшийся по берегу город. Застройка в нем производилась с максимальным использованием старых зданий и кварталов. Обнаруженные археологами материалы позволяют с полной уверенностью говорить об обширных торговых связях и развитом ремесленном производстве Фанагории.

Конечно, все перечисленные города, а также многочисленные крымские поселки, возникшие на руинах догуннской цивилизации, своим общим обликом, строительными и культурными особенностями связаны были не только с хазарской традицией, но и с местными крымско-византийскими традициями.

С ростом городов в Хазарском каганате салтово-маяцкая культура все более нивелировалась и унифицировалась на всей территории своего распространения. Особенно это сказывалось на предметах, выходивших из рук ремесленников, начиная с украшений и оружия и кончая многими формами гончарной посуды. Даже в сравнительно небольших поселках, видимо, существовало не только домашнее гончарное производство. Мы можем уже говорить и о какой-то «внутрипоселковой» торговле, поскольку гончарством занимались далеко не в каждом доме, а пользовались одинаковой посудой все жители поселка.

Если обычные сосуды, украшения, предметы быта и оружие имели весьма узкие рамки сбыта, не превышающие 50—100 км, то тарная посуда (в частности, амфоры) с заключенными в ней «плодами земли» распространялась по всей территории каганата. Центры изготовления амфор находились в Крыму и в Нижнем Подонье — там, где рос виноград и изготовлялось вино. Оттуда амфоры с вином везли и в близлежащие кочевья, и в далекие лесостепные поселки, где обменивали их на скот, мед, шкурки бобров и т. п.

Жители каганата активно торговали и с соседними странами. Константинопольцы, рассказывавшие Хасдаю

Ибн-Шафруту о Хазарии, утверждали, что оттуда в их город приходят корабли «и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары». Об огромном количестве рыбы в реках, протекавших по Хазарии, говорил и каган Иосиф, а арабские авторы, например Истахри, писали, что «в стране хазар добывается и вывозится во все страны только клей», имея в виду необычайно ценное в то время сырье — рыбий клей. В том же отрывке Истахри перечисляет множество товаров, которые ввозились в Хазарию. Судя по всему, хазарские купцы вели транзитную торговлю.

С юга и из Византии хазары получали разнообразные изделия, особенно широко по всему государству расходились стеклянные бусы, доставлявшиеся из городов Передней Азии и Египта. Вероятно, из халифата поступало в Хазарию большое количество серебряной монеты — диргемов. Однако на территории каганата археологи находят их редко. Объяснить это можно тем, что серебро местные мастера употребляли для изготовления украшений, которые в изобилии встречаются в погребениях и даже в культурных слоях городов и поселений каганата. Монеты как деньги не использовались хазарами, предпочитавшими, очевидно, меновую торговлю. Впрочем, некоторые советские ученые полагают, что мелкой «разменной» единицей в этой торговле были бусы.

Через земли каганата — через необозримые степи Подонья — проходили торговые пути, связывавшие страны Востока и Византию со славянами и балто-финскими народами. Хазары, несомнено, брали подати с проходивших караванов. Иосиф сообщал, что он контролирует речные пути — задерживает русов, «прибывающих на кораблях» по Волге к Итилю. Для контроля над донским путем ставились крепости на Дону. Наконец, в таманских и крымских городах кипела торговая жизнь, находившаяся под административным наблюдением сидевших там каганских чиновников-тудунов, взимавших пошлины с приезжих и местных купцов.

Весьма значительной статьей дохода являлась дань, которую хазары брали с соседних народов. В первый период существования Хазарского государства (до арабских войн) это были преимущественно северокавказские горные племена, аланы и оседлое население Боспора. Находились в какой-то вассальной зависимости (в том числе и экономической) и побежденные болгарские орды. Во вто-

рой период (после арабских войн) с перемещением государственных центров переместилось и направление хазарской экспансии. Хазары обратили взоры на север и северо-запад. В результате они обложили данью славянские племена: полян, северян, вятичей. Об этом факте сообщается в русской летописи: «Хозары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке от дыма» [5]. Правда, поляне довольно быстро освободились от этой подати, о чем в нашей летописи сохранился интересный рассказ: «Поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары, сидящими на горах этих и лесах, и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дани с нас и с иных земель»» [6].

Очевидно, здесь рассказано о последнем «полюдье» хазар в полянскую землю. Они получили в ответ на требование дани мечи, что, несомненно, означало вызов (не мир, но меч!). После этого хазары отступились от сильного и далекого народа. Зато они обложили данью другое славянское племя — радимичей. Летописец под 885 годом пишет: «Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали» [7]. Три славянских племени, плативших дань каганату, упомянуты и у Иосифа: вятичи, северяне и славяне (поляне или радимичи). Помимо славян, хазары брали дань, по свидетельству кагана Иосифа, с буртасов, эрзи, черемисов, болгар, сувар [8], которые обитали к северу и северо-востоку от Хазарии. Видимо, у них не хватило сил послать хазарам мечи, как это сделали поляне. Вассальная зависимость Волжской Болгарии от хазар сохранилась вплоть до гибели каганата, хотя к началу X в. она, по словам Ибн-Фадлана, бывшего при болгарском дворе в 922 г., стала минимальной. Буртасы, эрзя, черемисы — мордовско-мерянские племена, из которых, безусловно, наиболее сильными были буртасы — вассалами каганата в отличие от болгар так и не стали.

Таким образом, экономической базой каганата являлись развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство, повсеместно развитые ремесла, широкая внутренняя торговля, в которой экспорт и импорт играли по существу почти равную роль, наконец, пошлины и дани, взимавшиеся с торговых караванов, проходивших по землям каганата, и с соседних, более слабых народов.

Разносторонней и развитой экономике вполне соответствовали общественные отношения, установившиеся в каганате в тот период. Мы уже говорили, что общество разделилось на классы. Наверху сложной иерархической лестницы стояла родовая аристократия. Сложной эта лестница была потому, что по ней распределялись князья разноэтничных родов и орд. Если в XIII в. монгольские ханы, придя в южнорусские степи, прежде всего уничтожили всю половецкую (команскую) аристократию и сами стали единственной знатью в половецкой степи, то хазары, наоборот, сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом. По существу алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат. Единственно, чего они никогда не могли достигнуть, это каганского трона — обожествленной власти кагана (каганом мог быть только хазарин-тюрк из рода Ашина). Но и этот непреложный закон сумели обойти болгарские ханы, добившись для самого богатого и знатного рода права соуправления, т. е. добившись двоевластия. Зачатки его мы наблюдали еще в первый период существования каганата, но, видимо, власть кагана особенно пошатнулась во время арабских войн, когда ему пришлось бегать по степи, спасаясь от арабских конных разъездов, и в конце концов принять под угрозой лишения власти религию врагов — мусульман. Вот тогда и выдвинула жизнь соправителя кагана из среды наиболее дееспособных и богатых (не разоренных войной) донских болгарских ханов. Вполне возможно, что в те годы болгары просто могли сбросить кагана с полуразрушенного трона, однако они сделали более мудрый шаг к достижению власти в государстве: кагана полностью табуировали, а соправителю, который в арабских источниках называется царь, каган-бек, бек или шад, фактически предоставили право устранять (убивать) неугодного владыку. Носитель древних, освященных традицией обычаев остал-

ся на троне, окончательно связанный этими обычаями по рукам и ногам, а свободный от всяких условностей царь единолично правил Хазарским государством.

О власти царя, о его неограниченных правах много писали арабские авторы, пораженные фактом хазарского двоевластия. «У хакана власть номинальная,— отмечал Истахри,— его только почитают и преклоняются перед ним при представлении..., хотя хакан выше царя, но его самого назначает царь» [9]. По словам Ибн-Русте, «царь не дает отчета никому, кто бы стоял выше его» (а значит, он не отчитывался и перед каганом), он «сам распоряжается получаемыми податями и в походы свои ходит со своими войсками». Царь же возлагал на богатых обязанность поставлять всадников, «сколько могут они по количеству имущества своего». Конное царское войско состояло из 10—12 тыс. всадников, находившихся на постоянной службе и на жалованье у него, а также из выставлявшихся аристократами в виде вассальной повинности [10].

Таким образом, царь был уже настоящим феодальным сюзереном. Войско его представляло собой регулярную наемную армию, соединенную с феодальным ополчением. Он собирал подати — для этого при нем существовали чиновники.

Важными лицами в Хазарском государстве были упомянутые Истахри «лица одного класса» с царем, имевшие наряду с ним право входа к кагану. Ибн-Фадлан рассказывал, что «царя замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшигыр» [11]. Однако только сам царь, или, как его именует Ибн-Фадлан, хакан-бек, после ритуальных изъявлений покорности и очищения огнем имел право садиться вместе с каганом на трон и вершить дела.

В городах, кроме тудунов, о которых уже упоминалось, правили еще и судьи. Причем судей было много, и судили они по разным законам: христиан — по-христианскому, мусульман и иудеев — по Корану и Торе, язычников — по «обычному» праву, т. е. по законам общины. Наличие судей предполагает и наличие какой-то полиции. Полицейские функции, возможно, выполняла наемная гвардия кагана, о которой неоднократно писали арабские авторы X в. Состояла эта гвардия из мусульман, переселившихся из прилегающих к Хорезму земель. Масуди называет их ларисии, или ал-арсии. Очевидно, это остат-

ки аорсов-алан, обитавших, по словам Бируни, в нижнем течении Амударьи.

Как уже говорилось, каждую группу населения, объединенную одной верой, судил соответствующий судья. Мало того, в Итиле, Семендере и других городах строились и функционировали церкви, синагоги, мечети с медресе, а в окрестностях люди собирались на языческие камлания вокруг священных деревьев. Однако обстановка в государстве уже к концу VIII в. сложилась так, что появилась настоятельная потребность во всеобщей государственной религии. Хазарские правители прежде всего попытались внедрить культ единого бога неба — Тенгри-хана. Так же поступали князья и ханы других раннефеодальных государств: Дунайской Болгарии, где до принятия христианства был установлен культ вождя-хана, и Киевской Руси, в которой Владимир Святославич усиленно насаждал культ Перуна — бога грома и молнии. Очень быстро тем не менее культы перестали соответствовать тем общественным отношениям, которые установились в этих государствах. Они были заменены в Болгарии и на Руси классовой религией — христианством.

Христианство наступало и на Хазарию с запада, из Византии, и с юга, из закавказских государств. В конце VII в. в христианство был обращен влиятельнейший савирский хан Алп-Илитвер со свитой, а через сто лет в Крыму Византия уже учредила Готскую митрополию, в которую вошло семь епархий, находившихся на хазарской земле. Христиане в Хазарии получили единую церковную организацию, но полной победе этой религии мешало то обстоятельство, что народные массы в каганате были весьма привержены мировоззрению предков — язычеству, о чем свидетельствует абсолютное господство языческих погребальных обрядов, а также и то, что сами правители никак не могли, видимо, остановиться на какой-либо определенной религии: то они принимали иудейство, то поспешно обращались в мусульманство.

Возможно, что временами, отдавая своих дочерей и сестер замуж за византийских императоров, роднясь с христианнейшим государем, они и сами начинали склоняться к христианству. Однако стоило хазарскому правительству проявить малейшую слабость по отношению к империи, как византийцы старались закрепить свое положение в каганате, а главное — отторгнуть от Хазарии

Крым и Боспор. Так, основание Готской митрополии с разветвлениями почти по всем хазарским городам произошло после известного восстания готского населения Крыма против хазар, возглавленного епископом Готской епископии Иоанном. Хазары послали в Крым карательный отряд, заняли с помощью местной знати столицу Крымской Готии Дорос и, захватив всех народных главарей, казнили их. Помиловали они только по просьбе Византии самого Иоанна. Добившись первой уступки (помилования епископа), византийцы начали просить и требовать расширения прав христианской церкви в Хазарии, а затем перешли уже к интригам, ставившим целью занятие византийскими войсками христианского Крыма, т. е. превращения его в имперское владение. Постоянные споры с Византией о влиянии в западных провинциях, естественно, не способствовали расположению кагана и царя к религии византийцев.

Мы уже говорили о тех трагических событиях, при которых униженный каган принял мусульманство. Религия основного врага и обидчика — халифата — вряд ли имела шансы стать популярной в каганате, хотя в городах жили мусульманские купцы, ремесленники и воины (гвардейцы-лариссии).

Итак, несоответствие общественно-экономического строя и языческого культа Тенгри-хана, враждебные отношения с христианскими и мусульманскими соседями и, наконец, знакомство правящей верхушки каганата с иудейством, в которое обращались Булан и его окружение еще в первой половине VIII в., привели хазарское правительство в начале IX в. к серьезному политическому шагу — официальному принятию иудейской религии.

Глава 6

СМУТА. ГИБЕЛЬ КАГАНАТА

Принятие иудейства в государственном масштабе произошло в Хазарии при кагане Обадии.

По данным арабских источников, в частности Масуди, иудейская религия стала господствующей в каганате во времена халифа Харун-ар-Рашида, следовательно, Обадия начал свою реформаторскую деятельность где-то на рубеже VIII и IX вв.— через несколько лет после воцарения на троне. Отец его, последний языческий каган Хазарии, умер примерно в 790 г., о чем сохранилось известие в «Житии Иоанна Готского».

После принятия иудаизма Обадией и его окружением «стали стекаться к нему иудеи из разных мусульманских стран и из Рума» [1],— отметил Масуди. Следует сказать, что уже при Булане, предпринявшем попытку внедрить иудаизм в Хазарии, много евреев переселилось в Восточное Предкавказье из Ирана под давлением мусульман. Вновь прибывающие евреи, гонимые в христианских и в мусульманских странах, быстро заселили целые кварталы хазарских городов, особенно крымских. Большое количество их осело и в Итиле. Они плотным кольцом окружили трон Обадии. Иосиф писал, что после многочисленных войн, которые вели, очевидно, дети и внуки Булана, «воцарился из сыновей его сыновей царь по имени Обадья. Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги.— *С. П.*) и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв» [2].

Вполне допустимо, что каган Обадия, обращаясь в иудаизм, стремился не только к противопоставлению своего государства двум великим державам (империи и халифату), но и к ослаблению языческих пут сакрализации, что

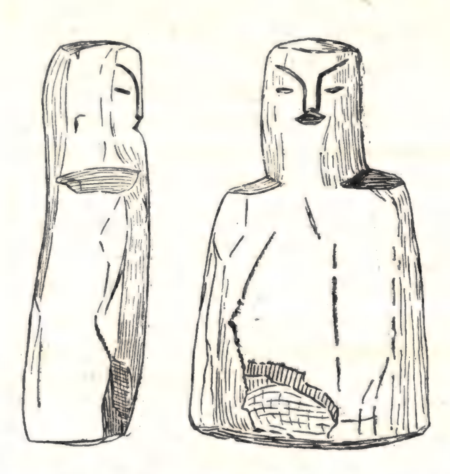
дало бы ему реальную возможность бороться за власть в собственном государстве.

Вероятно, именно поэтому Иосиф и написал, что Обадия «поправил царство», т. е., по его мнению, несколько отрегулировал отношения кагана со своими подданными.

На деле же все обстояло иначе. Еврейские проповедники с большим трудом обосновали иудейское происхождение кагана и его окружения, поскольку, согласно догмам иудаизма — узкой, сугубо национальной религии, иноплеменники не могут быть истинными иудеями, но они не смогли сделать этого для всех народов, входивших в состав Хазарского каганата. Следовательно, новая религия не объединила, а, наоборот, разъединила и без того непрочное государственное образование, возглавленное хазарами. Принятие иудаизма каганом, царем и всей итильской знатью оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях, мало связанных со столицей, пользовавшейся весьма значительным влиянием в своих кочевьях и аилах, где она играла роль родовых старейшин. Между итильской и провинциальной аристократией началась борьба за власть и влияние в каганате. Провинциалы и все, кто не принял иудейской религии, в том числе христиане и мусульмане, объединились против правительства. Возникла своеобразная хазарская фронда. Вот что написал о ней спустя 100 лет Константин Порфирородный: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми.— *С. П.*) в нынешней печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название кабаров» [3].

Борьба шла беспощадная, в ней гибли не только «фрондеры», но и виднейшие представители иудейской знати. В числе последних были, очевидно, сам Обадия и два его сына: Езекия и Манассия. Только этим можно объяснить тот факт, что после Манассии за неимением прямых наследников власть взял в руки Ханукка — брат Обадии.

Междоусобица страшно ослабила государство в целом. Так, после репрессий, предпринятых против крымских христиан хазарским каганом, после ликвидации Готской митрополии Крым откололся от Хазарии, и его немедленно присоединила к себе Византия. Кагану пришлось с

Идол, изображающий мужчину в бурке. Мел. Государственный Эрмитаж

этим смириться, так как антииудейски настроенные феодалы и союзные с ними венгры тревожили кагана даже на его собственной земле. В ответ на это каган разрушил один из самых великолепных за́мков в своем государстве — Правобережный, который принадлежал, видимо, болгарину-«фрондеру».

Война феодалов против кагана продолжалась в течение нескольких лет, очаги ее вспыхивали то в одной части Хазарии, то в другой, поскольку разноэтничные и нередко враждебные друг другу роды сталкивались в этой борьбе между собой. Степь полыхала, и в этом дыму начали проникать на территорию каганата новые кочевнические орды — венгров и печенегов.

Арабы называли венгров баджгард — башкиры. Вероятно, оттуда, из Южного Приуралья, двинулись венгры на восточные хазарские земли, а затем в Северное Причерноморье, где находилась таинственная страна Леведия, о которой писал Константин Порфирородный: «Народ турков (венгров) в старину имел жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией...» [4]

Определить точно местоположение Леведии невозможно. Археологически она неуловима, так как венгры не оставили там характерных для них памятников. По свидетельству Константина, они пробыли в ней всего три года. Из Леведии венгры отошли под давлением печенегов в

страну, которую тот же Константин называет Ателькузу (междуречье). Судя по перечислению рек этой области: Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Врут (Прут) и Серет, находилась Ателькузу в междуречье Днепра и Серета. Вот туда-то и сбежали кабары — три взбунтовавшихся хазарских рода, объединенные под главенством одного вождя (князя).

Венгры помогали хазарам «во всех войнах», а хазарский каган отдал венгерскому воеводе в жены знатную хазарку. Сами же хазары не смогли помочь венграм в их борьбе с печенегами, и именно поэтому венгры отошли из Леведии в Ателькузу. Видимо, после этого отношения между правителями Хазарии и венгров испортились, результатом чего и явилось объединение венгров с хазарскими беженцами — «фрондерами».

Несмотря на то, что венгры приняли к себе врагов кагана и те, как равные вошли в венгерский союз, хазарское правительство старалось подчинить их себе, включить в сферу своего влияния. Необходимость этого была очевидна. Венгры, переселившись в Ателькузу, стали соседями дунайских болгар и Византии. Для борьбы с последней на западных рубежах хазары искали любых союзников. С помощью каганских послов прежнего воеводу венгров отстранили от власти, которую забрал в свои руки ставленник хазарского кагана Арпад: «Его и провозгласили князем по обычаю и закону хазар, подняв на щите».

Пока хазары интриговали в Ателькузу, пока каган и царь, опекая евреев, ссорились с византийским двором и церковью, по дорогам, проторенным венграми, на хазарскую степь наступали орды печенегов. Только в самом конце IX в. один из наследников Ханукки попытался прервать их движение на запад. Он заключил союз с гузами, кочевым народом, жившим в приуральских степях, и те, «вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны». Печенеги, бежав оттуда, некоторое время бродили по разным странам, нащупывая себе место для поселения, пока не нашли его в Ателькузу. Воспользовавшись тем, что венгры ушли в поход и в кочевьях их оставались только женщины, старики и дети, печенеги, без труда истребив население, заняли чужие стойбища. Венгры, «возвратившись и найдя свою землю таким образом пустою и разграбленною, посе-

лились в той стране, где живут ныне» [5]. И случилось это, пишет Константин Порфирородный, «50 лет тому назад», т. е. если вспомнить, что император сочинял трактат в 949—950 гг., в первые годы X в.

Вскоре территория расселения печенегов намного превысила Ателькузу, которая занимала только правобережье Днепра. Об этом хорошо был осведомлен Константин Порфирородный, который отмечал, что печенеги кочуют всего в пяти днях пути (120—150 км) от Хазарии, шести днях пути (150—180 км) от Алании и в непосредственной близости от Боспора. Каган же Иосиф сообщал Хасдаю, что протяженность страны, занятой этими кочевниками, от границ Венгрии на восток равна четырем месяцам пути, т. е. более чем 3 тыс. км (из минимального расчета — 25—30 км в день).

Данные обоих источников являются достаточно надежным свидетельством того, что степи в середине X в. действительно были заняты кочующими печенегами и поэтому даже номинально не входили в состав каганата.

От печенежского нашествия пострадали не только северные провинции Хазарии. В огне пожарищ погибли Фанагория и несколько мелких приморских поселков на Боспоре, печенеги уничтожили все крымские степные болгаро-хазарские поселения и, по-видимому, истребили всех жителей, оказавших им сопротивление.

Печальные последствия нашествия печенегов, так же как и все остальные неудачи хазар в войнах, территориальные потери их государства, объяснялись прежде всего внутренним ослаблением каганата: новая религия не объединяла, как уже отмечалось, а, напротив, разъединяла и без того непрочное государственное образование, возглавленное хазарами. В войнах и в подавлении восстаний иудейское правительство вынуждено было опираться не на население своей страны, не на своих вассалов, а на союзников извне. Так, восстание кабаров («фронды») было подавлено с помощью печенегов и гузов (именно после него оба эти народа появились в восточноевропейских степях). Саркел, выстроенный на границе домена и предназначавшийся для охраны владений кагана и пересекающихся здесь сухопутных дорог от кабаров и венгров, заселили выходцы из гузских орд (цитадель крепости, как показали раскопки, до самого конца жизни города была занята чуждым остальному населению кочевым отрядом гузов).

Как только венгры попытались начать проводить свою политику в Восточной Европе, хазарские правители натравили на них печенегов, печенегов же они постоянно держали в страхе перед гузами, а мусульманский отряд лариссиев использовали для борьбы с возвышающейся с каждым годом на западе Русью и христианизирующейся Аланией.

Перед мусульманским халифатом каган заискивал. Иосиф подчеркивал в своем письме, что он защищает мусульманский мир от русов. Однако ему далеко не всегда удавалось помешать русам пройти по хазарским землям. Мы, естественно, говорим не о мирных караванах, беспрепятственно двигавшихся по дорогам и торговавших в любом хазарском городе.

Первый поход русов в море Джурджан (Каспийское) зафиксирован в источниках между 864—884 гг. С начала X в. походы русов на берега Каспия систематически повторяются. В 909 г. они на 16 судах подплыли к острову Абесгун и уничтожили его торговый флот, в 910 г. взяли город Сари.

В 913 г., по данным Масуди, русы на 500 кораблях появились в Керченском проливе [6]. Испросив позволения у хазар пройти по Дону, они поднялись до переволок, перетянули суда в Волгу и затем спустились в Каспийское море. Каган, занятый в это время борьбой с печенегами, не смог и не захотел им воспрепятствовать, тем более что русы обещали ему половину добычи. На обратном пути, остановившись у Итиля, они послали кагану часть богатств, но здесь вмешалась мусульманская гвардия ларисcиев, потребовавшая разрешения расправиться с пришельцами, проливавшими кровь мусульман. Каган разрешил, однако предупредил русов о готовящемся нападении. Три дня шло кровопролитное сражение, и русы были разбиты. После этого на несколько десятилетий они прекратили нападения на мусульманские страны, опасаясь, видимо, аналогичного предательства.

В 943 г., при кагане Иосифе или его отце, русы снова и тем же путем прошли к Каспийскому морю и даже захватили город на Куре Берду. Когда местное население начало с ними партизанскую войну, русы, в одной из стычек потеряв своего вождя, закрылись в крепости Берда и перезимовали там. Весной следующего года они прорвались к своим судам и ушли на родину.

Самые неприязненные отношения после принятия каганом иудейства установились у Хазарии с Византией. Большинство нападений на каганат в IX и X вв. было спровоцировано ею. Действовать она начала через Аланию и через народы, которые были враждебно настроены по отношению к каганату, т. е. прежде всего через печенегов. Константин Порфирородный писал, что аланы могут причинить немалые затруднения Хазарии, нападая на Саркел и прилегающие провинции, из которых «идут все средства жизни и все довольство Хазарии» [7].

С большим трудом, используя нанятых гузов, каган разбил аланское войско и взял в плен царя алан. Однако он уже не мог наказать его как взбунтовавшегося вассала и не хотел делать из него непримиримого врага. Каган обошелся с ним как с равным, принял его с почетом и потом женил сына на аланской царевне. В результате аланские князья выгнали из страны священников и на время вернулись к религии предков — язычеству. Византии пришлось отказаться от союза с аланами и начать интригу с печенегами.

Занятый стычками с Аланией, каган упустил из виду своих северных подданных — славян, плативших ему дань в IX в. В 80-х годах IX в. русский князь Олег, пройдя в земли этих племен, присоединил их к своему растущему государству.

Постоянная провокационная деятельность Византии привела к организации гонений на всех христиан в каганате, считавшихся, видимо, потенциальными союзниками Византии. В связи с усложнившейся обстановкой в 860 г. к кагану была послана особая христианская миссия, возглавленная знаменитым Константином (Кириллом) — создателем славянской письменности. В «Житии Константина» говорится, что его миссия явилась ответом на посольство от хазар, попросивших прислать к ним проповедника, который смог бы переспорить в диспуте о вере иудеев и мусульман. В случае победы христианского посла хазары обещали якобы перейти в христианство. Константин начал свой путь в Хазарию из Крыма, там он обратил язычников в христианство и, как и его далекий предшественник епископ Исраил, проповедовавший у савир, прежде всего приказал срубить дуб, которому поклонялось обращенное население. После этого он направился в центральные области Хазарии и принял участие

в запрограммированном диспуте. Хотя в житии и написано, что Константин победил раввина и кадия, каган почему-то не переменил религии. В арабских источниках и в письме Иосифа подробно рассказывается об этом споре. Хитрый раввин сумел стравить своих противников, поставить их в невыгодное положение и тем самым победить обоих, убедив кагана в истинности и благородстве своей религии. Константин вернулся домой ни с чем.

Хазарские правители стали значительно нетерпимее относиться не только к христианам, но и к мусульманам, населявшим все восточные и южные хазарские города. Обозленный враждебными акциями мусульман по отношению к иудеям, хазарский каган, услышав, что мусульмане осмелились разрушить синагогу, приказал снести минарет в Итиле и казнить муэдзинов. При этом он сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть»[8]. От восхищавшей современников необычайной веротерпимости хазарского правительства ничего не осталось. Но чем догматичнее становилась религия кагана, чем крепче смыкалось вокруг него кольцо раввинов, тем стремительнее терял он власть не только над данниками и вассальными государствами, но и над своими подданными.

К середине X в. Хазарский каганат только в воображении кагана представлял собой какую-то заметную политическую единицу. Иосиф, рассказывая в письме о своем государстве, описывал прежние его границы, прошлое величие. Правда, кое-какие владения каганат сохранил. Так, несмотря на то, что восточноприазовские степи были заняты печенегами, препятствовавшими общению хазар с таманскими и восточнокрымскими портами, эти последние оставались еще под властью Хазарии. Каганат всеми силами старался удержать их, поскольку через морские портовые города осуществлялась связь государства с богатыми странами Передней Азии и Византией. Экономика Хазарии опиралась теперь только на широкие международные торговые связи, установившиеся у нее с ближними и дальними народами и государствами в прежние времена. Большую роль играла при этом транзитная торговля, нередко спекулятивная перепродажа. Хазария превращалась в типичное паразитирующее государство. Ее правители держались на подачках торгового капита-

ла, который они до поры устраивали, поскольку ему требовалась власть, организующая более или менее успешно защиту его интересов, защиту торговых городов, в которых сосредоточилась вся экономическая жизнь каганата.

Интересно, что, судя по археологическим данным, изменился даже характер ремесла в этих городах. Самобытное искусство погибло, ремесленники не создавали уже высокохудожественных произведений. Место ремесленников-одиночек заняли большие мастерские, в которых изготовлялись вещи, предназначенные для массовой продажи, сделанные небрежно, наспех.

Большое государственное образование с прочной экономической базой, яркой культурой, сильной центральной властью, сумевшей сплотить вокруг себя разноэтничные народные массы, развалилось. От него осталось маленькое паразитическое ханство, тормозившее развитие экономики в соседних странах, мешавшее их торговле с Востоком. Достаточно было сильного толчка, чтобы оно исчезло с лица земли.

Последний удар Хазарии нанесла Русь. Вот как описал это событие русский летописец: «В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав это же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов» [9]. Ибн-Хаукаль добавляет, что русы «ограбили Болгар, Хазаран, Итиль и Семендер» [10]. За год до этого, в 964 г., Святослав отправился в земли последних данников хазар — вятичей. Он двинулся не через печенежские степи Приднепровья и Подонья, а по лесам — к Волжской Болгарии. Согласно летописи, Святослав «пошел на Оку и на Волгу и встретил вятичей» [11].

Победив болгар, русские спустились по Волге к Итилю. Ибн-Хаукаль рассказывает об этом походе так: «Русы разрушили все это и разграбили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итиле. Русы овладели этой страной, и жители Итиля искали убежища на острове Баб-ал-Абваба и укрепились на нем, а некоторые из них в страхе поселились на острове Сия-Кух (полуостров Мангышлак.— *С. П.*)» [12].

Далее Святослав с дружиной взял Семендер и по дороге к Черному морю победил аланское войско, живших в Приазовье касогов (адыгов), тогда же, очевидно, покорил

Таматарху, на ладьях поднялся по Дону до Саркела и также, заняв крепость, основал на месте Саркела русский степной форпост, который и назвали Белая Вежа.

После этого похода русский князь вернулся в Киев. На следующий год он победил вятичей и предложил им платить дань в киевскую казну. А еще через год Святослав предпринял далекий поход в Дунайскую Болгарию. Там он провоевал несколько лет, не добился особых успехов и в 972 г. на пути домой у днепровских порогов сложил голову в стычке с печенегами, подкупленными для этой цели болгарами.

Отправляясь в поход на Хазарию, Святослав стремился отвоевать у Волжской Болгарии и каганата путь на Восток — по Волге и Каспию. Однако он не сумел удержать свои завоевания, увлекшись войнами на Балканах.

Поход Святослава, нарушивший все торговые пути Хазарии и разоривший ее города, оказался для каганата роковым. Тяжесть удара усугублялась еще тем, что Святослав, судя по некоторым источникам (например, Ибн-Мисхавейху), привлек к войне с хазарами гузов. После того как дружина Святослава разбила и рассеяла армию кагана, гузы, видимо, совершенно беспрепятственно в течение нескольких лет грабили и разоряли беззащитные хазарские земли.

В конце 70-х годов X в. многие хазары вернулись в Итиль и попытались восстановить город, надеясь заключить с русскими мир и подчиниться их власти. Интересно, что, по словам Мукаддеси, писавшего в конце X в., «жители города Хазар (Итиля) уже были больше не иудеи, а мусульмане» [13].

Изменение религии произошло под давлением обстоятельств: обессиленные борьбой с гузами, хазары обратились за помощью в Хорезм. Хорезмийцы согласились помочь, но лишь после обращения хазар в мусульманство. По данным позднейших авторов (XIII—XIV вв.), не только народ, но даже и сам каган стал исповедовать мусульманство. В ряде источников сохранились глухие сведения о непокорности хазар и об оккупации их городов хорезмийскими карательными отрядами.

В самом конце X в. сын Святослава Владимир, заключив союз с гузами, вновь прошел путем отца на Болгарию, а затем вниз по Волге — на хазар. Он овладел страной и наложил на хазар дань.

Восточные города Хазарии были уничтожены, знаменитые сады и виноградники Семендера сожжены, Итиль превращен в дымящиеся развалины [14].

Западная часть Хазарии, в основном таманские и крымские земли [15], пострадала меньше. Однако и там жизнь на большинстве поселений замерла примерно в конце X в. Хазарское население сосредоточилось в городах.

В XI в. хазары фигурируют в русской летописи в качестве участников заговора против князя Олега Тмутараканского. Это последнее упоминание о них в европейских источниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] Никаких новых источников Данлоп не использует, никаких новых и самобытных мыслей по сравнению с предшественниками не высказывает. Очень чувствуется в этой работе полное отсутствие археологических источников, не привлеченных автором и не знакомых ему.

Глава 1
Хазары о себе

[1] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 63—64 (далее — *Коковцев П. К.*).

[2] Письмо Иосифа рассматривается в целом — параллельно по обеим редакциям. Только в тех случаях, когда одна редакция дополняет другую или между обоими текстами прослеживаются значительные различия, мы специально останавливаемся на разночтении и толковании этих отрывков. У многих исследователей вызывала сомнение та конкретность, какой характеризуется пространная редакция, и они считали ее результатом позднейших приписок, вставок и даже подделок.

[3] *Коковцев П. К.*, с. 74.

[4] Там же, с. 75.

[5] Там же, с. 92.

[6] Там же, с. 98.

[7] Там же, с. 81—83.

[8] Там же, с. 98—102.

[9] Там же, с. 102.

[10] Там же, с. 103.

Глава 2
Рождение государства

[1] *Аммиан Марцеллин.* История. Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906—1908, с. 236—243.

[2] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 128.

[3] Там же, с. 130.

[4] *Моисей Хоренский.* История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М., 1858, с. 134.

[5] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1959, с. 407.

[6] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861, с. 90 (далее — *Моисей Каганкатваци*).

[7] *Феофилакт Симокатта.* История. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957, с. 161.

[8] *Моисей Каганкатваци*, с. 105.

[9] Там же, с. 107—108.

[10] Летопись византийца Феофана

от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского.— «Чтения МОИДР», 1884—1887, с. 263.

Глава 3
От кочевий к городам

[1] Совсем недавно в советской историографии появилась новая теория о гибели Хазарского каганата под волнами Каспийского моря. Автор ее Л. Н. Гумилев считает, что в результате трансгрессии VII—VIII вв. хазарские поселения дагестанской низменности были размыты и полностью уничтожены морем.

[2] *Коковцев П. К.*, с. 85—86.

[3] СМОМПК, 1901, вып. XXIX, с. 51.

[4] СМОМПК, 1908, вып. XXXVIII, с. 46.

[5] *Коковцев П. К.*, с. 76.

[6] *Моисей Каганкатваци*, с. 193.

[7] Там же, с. 205.

Глава 5
Новая география Хазарии

[1] В XIX в. в России было известно около десятка памятников этой культуры (в том числе Салтовский могильник и Маяцкое городище, давшие имя культуре в целом). В настоящее время мы знаем более 300 поселений, могильников и городищ, разбросанных по берегам степных рек, оврагов, морских заливов.

[2] *Первый вариант* — лесостепной — занимает территорию верховий Донца, Оскола и Дона. Для него типичны группы, вернее гнезда, больших поселений, сосредоточенных вокруг городищ. Последние представляют собой крепости на высоких прибрежных мысах. Как правило, они сооружались на местах древних скифских городищ. При этом их строители максимально использовали все прежние укрепления — подчищали и подновляли их. Высокие скифские валы еще досыпались, и на гребне сооружались белокаменные стены, сложенные без фундамента и без раствора, из рваного мелового камня в виде двух щитов и засыпки из щебня между ними. Толщина стен достигала 6 м. Жилища на поселениях — полуземлянки с открытыми «тарелкообразными» очагами и изредка печами (глинобитными или каменками). Попадаются на них и остатки юртообразных круглых жилищ (почти неуглубленных) с очагами в центре пола.

Каждое гнездо поселений сопровождается одним или несколькими могильниками. Подавляющим типом погребений на них являются катакомбные захоронения. Катакомбы состоят из двух частей: дромоса и погребальной полусферической или юртообразной камеры. Величина их зависела от количества погребенных людей. Захоронения в камерах бывали одиночные, парные, семейно-групповые. Мужчин и мальчиков хоронили вытянуто на спине, женщин — скорченно на боку. Нередко ко-

сти ранее умерших сдвигали в сторону, освобождая место для новых погребений. Вместе с покойниками в камеры помещалось большое количество личных вещей и оружия умерших, сосуды с питьем и пищей ставились и в камеры, и в дромосы. В дромосах же хоронили убитых лошадей, коз, собак. Вокруг могил были разбросаны тризны, состоящие из сосудов с питьем и останков домашних животных. Помимо катакомб, в могильниках встречаются и обычные ямные захоронения. Отдельные ямные могильники располагались обычно на противоположном от катакомбного берегу реки.

Первый вариант салтово-маяцкой культуры оставлен аланскими племенами. Это были те самые аланы, которые под натиском арабских войск покинули привычные предкавказские равнины и предгорья и двинулись на север. Интересно, что шли они до тех пор, пока не достигли местности, весьма напоминающей отроги Кавказских гор: правый берег рек по всей лесостепи высокий и гористый, левый плоский, богатый высокой травой (как на альпийских лугах).

Антропологические измерения установили тождество долихокранных черепов (длинноголовых) кавказских и донских алан. Однако следует подчеркнуть, что первый вариант не был абсолютно чистым этнически. Археологически это устанавливается благодаря различиям в погребальных обычаях лесостепного населения: рядом с катакомбными захоронениями там нередко попадаются ямные могилы и могильники, основной ареал которых находится южнее, в степях. Существенно также и то обстоятельство, что в катакомбах мы нередко встречаем покойников с брахикранными черепами (круглоголовыми), резко отличающимися от аланских, и типичными для ямных погребений. Много в катакомбах и смешанных (мезокранных) черепов.

Второй вариант салтово-маяцкой культуры локализуется в степной зоне Подонья. Для него также характерны большие открытые селища, расположенные вдоль рек. Городищ там немного, внешне они напоминают обычные поселения, только укрепленные рвами и земляными валами. Размеры их весьма значительны (в поперечнике доходят до 700 м). Помимо таких селищ, являющихся остатками земледельческих поселков, среди них (нередко перемежаясь с ними) на берегах некрупных притоков Донца и Дона археологами были открыты остатки кочевых стойбищ, аналогичных описанным выше приазовским кочевьям. Таких стойбищ нет только в нижнем течении Дона — там известны исключительно земледельческие поселения, причем нередко тоже расположенные гнездами, но обычно без объединяющего их городища. Большое количество разнообразной тарной керамики на этих поселениях (пифосов, амфор, кувшинов), находка виноградарного ножа на одном из них, виноградных зернышек в культурных слоях, наконец, тот факт, что и сейчас здесь один из крупнейших виноградарных районов в СССР, говорят

о том, что поселки VIII—IX вв. носили не просто земледельческий, но и специфически виноградарный характер.

В этой же зоне особо плодородных земель находились развалины двух хазарских городов — Саркела и Семикаракорского городища, а также великолепная белокаменная крепость, известная в литературе под названием Правобережного Цимлянского городища. Расположено оно на одном из высоких треугольных в плане мысов правого берега Дона (теперь здесь Цимлянское море). От основного берега мыс был отсечен глубоким рвом. Стены крепости выстроены без фундамента, прямо на слегка выровненном материке. Система кладки — два щита, выложенные из прекрасно обтесанных блоков без раствора, и щебневая забутовка между ними. Ширина стен около 4 м. На углах, в середине длины каждой стены, у ворот стояли выходящие за внешнюю линию стен башни. Стены укрепляли мыс по периметру и, помимо того, делили внутреннее пространство крепости на три неравные части. Меньшая из них (привратный дворик) была свободна от построек, остальные две сплошь покрыты юртами, причем в восточной, самой просторной части юрты были поставлены по кругу, в центре которого стояла самая большая юрта крепости. В ней, видимо, жил хозяин замка — хан или князь.

Близкое по типу к Правобережному за́мку Маяцкое городище находится в 700 км выше по течению Дона. Оно расположено уже в лесостепной зоне, на территории первого варианта салтово-маяцкой культуры. В плане городище почти квадратное, тоже очень небольшое. Стены сложены из таких же тесаных белокаменных блоков и в той же системе, только толщина стен достигает 6—7 м. На блоках Маяцкого городища археологи не раз находили изображения коней, всадников, прориси букв, напоминающих орхонские письмена. Точно такие же блоки и та же система кладки (двухщитовая) использовались мастерами, работавшими на строительстве городов Дунайской Болгарии.

Погребения, типичные для второго варианта, совершались в неглубоких прямоугольных ямах, стенки которых нередко обкладывались досками. Доски же перекрывали могилу примерно на середине ее глубины. Погребения в ямах одиночные, обряд предельно прост — все покойники, независимо от пола и возраста, уложены на спине, ориентированы обычно головой на запад, изредка — на север. В отличие от катакомбных погребений, сопровождаемых большим количеством вещей, здесь набор их очень скромен — это, как правило, один-два сосуда и остатки ритуальной пищи для умершего в виде костей овцы, свиньи или коровы. Интересно, что в могилы мужчин и детей клали баранину, а женщин — говядину и свинину. Помимо прямоугольных погребальных ям, в могильниках нередко встречаются круглые в плане могилы. В них ориентировка покойников (как в катакомбах) очень неустойчива, положение трупа зависело от пола: мужчин хоронили вы-

тянуто, женщин — скорченно. При исследовании ямных погребений большое значение имеют антропологические определения черепов, которые в безынвентарных могилах являются единственным или во всяком случае важнейшим признаком этнической принадлежности покойников. Итак, все черепа из ямных могильников относятся к европеоидной расе, однако в отличие от катакомбных долихокранных черепов они брахикранны.

Третий, приазовский, *вариант* очень близок ко второму. Прежде всего абсолютно совпадает погребальный обряд: это те же погребения в простых ямных могилах, ориентированные головами на запад и уложенные без сопровождающего инвентаря (только сосуд и кости от ритуальной пищи).

Поселения в Приазовье, как и в Подонье,— кочевья и оседлые, разница лишь в размерах — приазовские в два, а иногда и три раза больше донских, причем на территории поселения жилища располагались как бы в виде «хуторков», оторванно друг от друга. В отличие от юрт и полуземлянок второго варианта для третьего типичны двухкамерные жилища, выстроенные из сырца на каменных цоколях. Цоколи сложены той же кладкой, что и стены городищ,— два щита и забутовка между ними. Нередко камни в щитах укладывались «елочкой», этот способ, начиная с VIII в., широко распространился по всему европейскому юго-востоку. Жилища состояли из двух помещений: одно (без очага) служило сенями, а зимой — и хлевом для молодняка; жилое помещение отапливалось открытым очагом, расположенным в центре пола.

Четвертый вариант — крымский. Он отличается от двух предыдущих очень незначительно. По существу это та же культура, только с сильным крымским местным влиянием. Влияние сказалось на архитектуре: постройки, в плане напоминающие приазовские, сооружались не из глинобита, а сплошь из камня — так, как делалось за тысячелетие до этого и после этого; преобладают различные типы тарной керамики: пифосы, амфоры, кувшины. Последние своеобразной формы, так называемые «тмутараканские», поскольку именно в слоях древней Тмутаракани их найдено было особенно много, что свидетельствует о широком производстве такого типа сосудов именно в этом городе.

3 *Коковцев П. К.*, с. 85—86.

4 *Константин Багрянородный.* Об управлении государством — ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 20 (далее — *Константин Багрянородный*).

5 Повесть временных лет, т. I. М.— Л., 1950, с. 214.

6 Там же, с. 212.

7 Там же, с. 217.

8 *Коковцев П. К.*, с. 98.

9 СМОМПК, 1901, вып. XXIX, с. 51.

10 Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен-Омара Ибн-Даста. Пер. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869, с. 16—19.

11 *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 146.

Глава 6
Смута. Гибель каганата

[1] СМОМПК, 1908, вып. XXXVIII, с. 44.

[2] *Коковцев П. К.*, с. 97.

[3] *Константин Багрянородный*, с. 18.

[4] Там же, с. 17.

[5] Там же, с. 18.

[6] Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Пер. А. Я. Гаркави. СПб., 1871, с. 130—134.

[7] *Константин Багрянородный*, с. 10, 11.

[8] *Ковалевский А. П.* Указ. соч., с. 148.

[9] Повесть временных лет, т. I, с. 244.

[10] Сказания мусульманских писателей о славянах и русах..., с. 220.

[11] Повесть временных лет, т. I, с. 244.

[12] Сказания мусульманских писателей о славянах и русах..., с. 220.

[13] СМОМПК, 1908, вып. XXXVIII, с. 5.

[14] Итиль так и не восстановили полностью ни хазары, ни хорезмийцы, которые и не были заинтересованы в этом. Только в XII в. этот город снова упоминается в источниках, но принадлежит он уже гузам и половцам, а называется Саксин.

[15] О том, что какая-то часть хазар все же осталась в Крыму и продолжала придерживаться иудейской религии, свидетельствуют документы, в которых упоминаются мессианские движения среди крымских хазарских иудеев XII в., да еще тот факт, что в Италии XI—XVI вв. Крым назывался Хазарией или Газарией.

ХРОНОЛОГИЯ

370 г.	Разгром гуннами алан в Нижнем Подонье.
371 г.	Захват гуннами Северного Причерноморья.
488—531 гг.	Правление персидского шаха Кавада I.
515—516 гг.	Нападение гунно-савир на Армению.
540 г.	Нападение савир на Закавказье.
552 г.	Образование Западнотюркского каганата во главе с каганом Тумынем; нападение савир-хазар на Албанию.
555—567 гг.	Борьба Тюркского каганата с эфталитами.
562 г.	Разгром савир-хазар Хосроем Ануширваном.
567—571 гг.	Покорение Тюркским каганатом хазар и болгар.
576 г.	Начало войны между Византией и Тюркским каганатом.
581—593 гг.	Междоусобица в Тюркском каганате.
582—602 гг.	Правление византийского императора Маврикия.
610—641 гг.	Правление византийского императора Ираклия.
626 г.	Заключение союза между Ираклием и каганом тюрок, вторжение тюркско-хазарских войск в Закавказье.
627 г.	Осада Тбилиси тюрками и византийцами.
628 г.	Взятие Тбилиси и покорение Албании.
630—634 гг.	Междоусобица в Тюркском каганате.
632 г.	Образование Великой Болгарии.
650 г. (примерная дата)	Образование Хазарского каганата.
652 г.	Признание арабской власти закавказскими странами.
653—654 гг.	Первый поход арабов в Хазарию, разгром арабского войска.

655 г.	Захват хазарами части Крыма.
657—659 гг.	Гибель Западнотюркского каганата.
660 г. (примерная дата)	Перекочевка орды хана Аспаруха на Дунай.
682 г.	Посольство епископа Исраила из Албании к савирам.
684 г.	Нашествие хазар на Закавказье.
695 г.	Свержение с престола Юстиниана II и ссылка его в Херсон.
705—711 гг.	Правление византийского императора Юстиниана II.
711 г.	Казнь Юстиниана II, набег хазар на Закавказье.
713 г.	Взятие арабским полководцем Масламой Дербента и вторжение его войск в глубь Хазарии.
717—741 гг.	Правление византийского императора Льва Исавра.
721 г.	Поход Джерраха на Хазарию, взятие Беленджера.
723—724 гг.	Походы Джерраха на алан.
730 г.	Принятие каганом Буланом иудейской религии.
730—731 гг.	Набег хазар на Албанию, взятие Ардебиля, разгром арабского войска Джерраха.
732 г.	Брак Константина Копронима — византийского царевича — с сестрой кагана Чичак (Ириной).
732 г.	Поход Мервана на Дербент и Беленджер («грязный»).
735 г.	Поход Мервана в Хазарию, разгром хазарской армии.
737 г.	Принятие каганом мусульманской религии.
740—775 гг.	Правление византийского императора Константина Копронима.
786—809 гг.	Правление багдадского халифа Харун-ар-Рашида.
787—791 гг.	Восстание Иоанна Готского в Крыму.
799—809 гг.	Реформы кагана Обадии, официальное принятие иудейской религии.
810—820 гг.	Восстание кабаров в каганате («фронда»).
822—836 гг.	Вторжение венгров в Причерноморье.
829—842 гг.	Правление византийского императора Феофила.
834 г.	Построение Саркела.
860—862 гг.	Путешествие Константина (Кирилла) в Хазарию.
883—885 гг.	Присоединение древлян, северян и радимичей к Руси.
889 г.	Вторжение печенегов в южнорусские степи.

890 г.	Провозглашение Арпада князем венгров.
894 г.	Поход венгров на Дунай.
895 г.	Разгром венгров печенегами, уход венгров из Ателькузу.
909 г.	Взятие русами острова Абесгуна (на Каспийском море).
912—961 гг.	Правление Абдаррахмана III.
913 г.	Нападение на хазар печенегов, гузов и асиев (алан).
913 г.	Поход Руси на Каспийское побережье.
915 г.	Первое появление печенегов на Руси и мир их с князем Игорем.
922 г.	Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу.
932 г.	Война хазар с аланами, победа хазар.
943—944 гг.	Поход Руси на Берда.
954—961 гг.	Переписка Хасдая Ибн-Шафрута с каганом Иосифом.
965 г.	Поход Святослава Игоревича на хазар, взятие Итиля и Саркела.
966 г.	Присоединение к Руси вятичей.
977—985 гг.	Покорение Итиля Хорезмом, обращение хазар в мусульманство.
981—982 гг.	Поход князя Владимира Святославича на вятичей.
985 г.	Поход Владимира на Волжскую Болгарию и хазар.
1079 г.	Взятие в плен хазарами князя Олега Святославича Тмутараканского и отправление его в Византию.
1083 г.	Возвращение Олега в Тмутаракань и расправа его с хазарами.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, т. 21.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону.— ИГАИМК, 1929, вып. 131.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1956.

Васильев А. А. Готы в Крыму.— ИГАИМК, 1927, вып. 5.

Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского.— Труды, т. II, вып. 2. СПб., 1912.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве к хазарскому хакану Алп-Илитверу.— Записки Ин-та востоковедения АН СССР, 1939, вып. VII.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.

Златарски В. История на българската държава през средните векове, т. I. София, 1970.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62.

Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2.

Магомедов М. Г. Древние центры Хазарии.— СА, 1975, № 3.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.

Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.

Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии). Сборник статей ко дню семидесятилетия академика Б. Д. Грекова. М., 1952.

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— СА, 1953, XVIII.

Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, 1954, XIX.

Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов).— МИА, 1959, 75.

Якубовский А. Ю. Ибн-Мисхавейх о походе русов на Берда в 332 г. Х — 943—944 гг.— ВВ (1923—1924) 1926, XXIV.

Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—XII вв. СА, 1948, X.

Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906—1908.

Беладзори (*ал-Балазури*). Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе.— Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927.

Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннес, Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. Прим. Гавриила Дестуниса. СПб., 1860.

Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари. Пер. П. Тяжелова.— ЖМНП, 1844, ч. XLIII, № 7, 8.

Ибн-ал-Асир. Из Тарих-ал-Камиль.— Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.

Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен-Омара Ибн-Даста. Пер. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. Пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.

История Егише вардапета. Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении. Пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853.

История Армении Фавстоса Бузанда. Памятники древнеармянской литературы, т. 1. Пер. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953.

История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — СМОМПК, вып. XXIV (1901), вып. XXXI (1902), вып. XXXII (1903), вып. XXXVIII (1908).

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков, 1956.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, 1934, вып. 91.

Куник А. А. и *Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878.

Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского.— Чтения МОИДР, 1884—1887.

Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. Византийские историки. СПб., 1860.

Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М., 1858.

Повесть временных лет, т. I. М.— Л., 1950.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Пер. А. Я. Гаркави. СПб., 1871.

Феофилакт Симокатта. История. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	Византийский временник.
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
МОИДР	Московское общество истории и древностей российских.
СА	Советская археология.
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

1. Древних и современных авторов

2. Исторических деятелей

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

---

* В скобках здесь и далее даны названия этого же пункта в других источниках

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Светлана Александровна Плетнева

ХАЗАРЫ

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. В. Шевелева**
Художник **Б. Е. Захаров**
Художественный редактор **В. Н. Тикунов**
Технический редактор **Э. Л. Кунина**
Корректор **Г. М. Котлова**

Сдано в набор 16/VII 1976 г. Подписано к печати 2/XI 1976 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,1.
Тираж 120000. Т-18624. Тип. зак. 939. Цена 18 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»,

ИМЕЮЩИЕСЯ В ПРОДАЖЕ В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

Археографический ежегодник за 1970 год.

1971. 406 стр. 2 р. 64 к.

БОРИСКОВСКИЙ П. И.

Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии.

1971. 175 стр. 1 р. 03 к.

Древнее поселение в Подмосковье.

(Материалы и исследования по археологии СССР. № 156).

1970. 208 стр. 1 р. 46 к.

МАССОН В. М.

Поселение Джейтун.

Проблема становления производящей экономики.
(Материалы и исследования по археологии СССР № 180).

1971. 208 стр. 1 р. 70 к.

НИКОЛАЕВА Т. В.

Произведение русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.

(Археология СССР. Свод археологических источников Е-149).

1971. 194 стр. 1 р. 86 к.

СОКОЛЬСКИЙ Н. И.

Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.

(Материалы и исследования по археологии СССР № 178).

1971. 290 стр., 19 табл. 2 р. 52 к.

АПРОДОВ В. А.

Тысячелетия Восточного Магриба.

1976. 152 стр. 52 к.

ГУЛЯЕВ В. И.

По следам конкистадоров.

1976. 160 стр. 30 к.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

КУЗЬМИНА Е. Е.

В стране Кавата и Афрасиаба.

10 л. 65 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
КНИГА:

КУЗЬМИНА Е. Е.
В стране Кавата и Афрасиаба,
7 л., 50 к.

В книге рассказывается о развитии культуры и изобразительного творчества ираноязычных народов Евразийских степей и Средней Азии с III тысячелетия до н. э. и до эпохи Александра Македонского. Сопоставляя данные археологии и памятников мифологии и фольклора ираноязычных народов, автор раскрывает идейное содержание произведений сако-скифского и бактрийского искусства.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:
117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97. 370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13. 320005 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24. 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95. 664033 **Иркутск**, 33, ул. Лермонтова, 289. 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42; 277012 **Кишинев**, ул. Пушкина, 31. 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2. 192104 **Ленинград**, Д-120, Литейный проспект, 57. 199164 **Ленинград**, Университетская наб., 5. 199004 **Ленинград**, 9 линия, 16. 103009 **Москва**, ул. Горького, 8. 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7. 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22. 630076 **Новосибирск**, 91, Красный проспект, 51. 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137. 700029 **Ташкент**, ул. 50 лет Узбекистана, 11. 700029 **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73. 700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43. 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18. 450075 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49. 450075 **Уфа**, проспект Октября, 129. 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42. 310003 **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

